

Федор Лопатин

Рейс в одну сторону

18+

Федор Лопатин
Рейс в одну сторону

«Автор»

2021

Федор Лопатин

Рейс в одну сторону / Федор Лопатин — «Автор», 2021

Простого человека взяли обычным слесарем на необычный объект. Секретные лаборатории в центре Атлантического океана создают нечто, поражающее воображение. Вакцина от всех болезней – одно из многих достижений этих лабораторий. Но может ли вечно длиться спокойствие на райском острове?

© Федор Лопатин, 2021

© Автор, 2021

Федор Лопатин

Рейс в одну сторону

Глава 1

Варвара Тихоновна Семенова, активная пенсионерка, сидела перед монитором. Ее рука лежала на «мышке», которая «уснула», казалось, навечно. Три минуты назад Варвара наткнулась на объявление, как она надеялась сказать безработному зятю, «очень хорошее», где синим по красному было написано, что на закрытое предприятие срочно требуется слесарь-сантехник с опытом работы от 3-х лет; оплата по договоренности. Вот такое простое незатейливое предложение улучшить свое материальное состояние. Когда она зашла на кухню, там уже собрались все, то есть двое – дочь и зять. Между ними летала беспокойная муха, не зная, куда приземлить свое черное тельце.

Семья сегодня встала поздно. Молодая жена, Ритка, и муж ее, Григорий Петрович Королев, сидели за маленьким квадратным столиком и завтракали горячей яичницей с тремя большими сладкими помидорами (третий лежал на тот случай, если теща сообразовит присоединиться к молодым). Варвара встала около кухонного окна и посмотрела на зятя. Третий месяц он не работал – ждал хорошего предложения, надеясь на помощь товарищей. Сами же товарищи устроились не ахти на какие работы, и зятя звать не собирались, потому, как сами были на «птичьих правах», как они, в один голос, говорили Петровичу. Сейчас Варвара даже слышать не хотела странную фразу, которую Королев говорил всякий раз, как только теща намекала о поиске работы: я, говорит, хочу отдохнуть – вот и весь его ответ. Его сократили с маленьким выходным пособием, и он переживал, как там без него и ему подобных слесарей широкого профиля будут теперь обходиться. «Можно подумать, – размышлял про себя Петрович, нервно поправляя очки, – что теперь всё население столицы будет обходиться без труб, лифтов, входных дверей и прочих сопутствующих радостей».

– Объявление тут нашла, – начала Варвара, как бы издалека. – По твоей специальности, между прочим, – сказала она, отворачиваясь к окну.

– Угу, – ответил Петрович.

– Там всё понятно, кроме заработка: «оплата по договоренности» – написано. Это как, Гриш? Сколько ты у них будешь денег просить, а?

Петрович оторвался от помидора и красным, от сока, ртом выдал простой ответ:

– Вы сами назовите нужную цифру, а я ее передам работодателям.

Теща как открыла рот, так и забыла его закрыть: вот такой он простой человек, Григорий Королев – дает теще волю решать, сколько денег ей хочется иметь каждый месяц. Ритка посмотрела на мать и хитро улыбнулась: не часто она видела её в таком радостном удивлении, когда возможно озвучить самое заветное желание, выражаемое в волшебных цифрах: тыща, десять тыщ, нет – сто, нет – триста... У Варвары Тихоновны закружилась вдруг голова и она, с полунабитым ртом, в котором как-то незаметно оказалась половина третьего помидора, отвернулась от молодых и посмотрела в окно. На улице было оживленно: мужики шли на работу, женщины гуляли с колясками. Две бродячие собаки бегали туда-сюда, взглядом выпрашивая у прохожих хоть какой-нибудь еды. Из окна дома напротив на Варвару смотрели детские глаза. Они не могли оторваться от смешной тёти, которая всё никак не могла дожевать свой помидор.

Так Варвара стояла добрых пять минут, прокручивая в голове такие же добрые мысли, которые от простого сложения сразу перескочили к умножению, а там и к геометрической прогрессии, благо, что в школе Варвара дружила с алгеброй.

Когда она, наконец, закрыла рот, все поняли, что мысль окончательно сформировалась и сейчас она будет озвучена, несмотря ни на какие возражения. Первым произнесенным словом, было:

– Квартира.

Молодые, жившие вместе пять лет, поняли, что речь опять пойдет об отдельном жилье, хотя вроде бы с самого начала договорились жить вместе.

– Мне нужно устраивать личную жизнь, – выдала вдруг тёща, как бы ставя перед фактом молодых, что теперь в этом доме будет жить новая семья, только их присутствие здесь не желательно.

Больше она ничего не могла сказать, а Петрович и тому был рад. Ритка же, напротив, стала словоохотлива и начала перечислять вещи, о которых раньше они и не говорили:

– Коляска для ребенка, одежда для ребенка, игрушки, загородный дом, детский бассейн...

Правда, самого ребенка пока еще не было, но, по реакции Ритки, можно было подумать, что он уже появился, и лежал там, в соседней комнате, и требовал себе всё то, о чём она только что сказала.

Петрович вдруг ясно понял, что ему надо ох как расстараться, чтобы добыть всех этих благ, а посему, молча доел свою остывшую яичницу и, взяв под руку Варвару Тихоновну, повел ее в комнату со всезнающим интернетом.

– Покажите объявление, – сказал Королев, указывая пальцем на стул.

Варвара молча села и толкнула ладонью «мышку», чтобы «оживить» погасший монитор.

– Вот, – начала она, – «договорная заработная плата превысит все ваши ожидания...»

Петрович не дал ей договорить, тут же наклонившись к столу, чтобы проверить текст.

– Ну, это же ясно – опять мошенники какие-то со своими заоблачными деньгами. Не бывает такого, чтобы платили, сколько хочешь...

– Звони, – тихо сказала Варвара, скрипнув зубами. – Быстро звони, – повторила она и сунула Петровичу в руку свой старый мобильник, который лежал тут же на столе, рядом с «мышкой» и кремом для лица.

Петрович поколебался с минуту, но мобильник взял. Набрал номер. На том конце записала музыка, и он хотел уже нажать сброс, как трубка оживилась приятным женским голосом:

– «Новый рассвет». Чем могу помочь?

– Э, – начал Королев, – я тут по объявлению...

– Скажите, пожалуйста, какой номер стоит в конце объявления? – спросила приятная девушка.

– Не знаю, – удивился Петрович. Прикрыв трубку рукой, он бросил Варваре, – какой там номер стоит в конце?

Тихоновна напрягла зрение и разглядела, наконец, заветные цифры: тринадцать, тринадцать, тринадцать.

Она сказала их Петровичу, и добавила, что Бог любит троицу. Королев передал девушке эту полезную информацию и стал ждать ответа. В трубке снова заиграла жуткая мелодия, будто кто-то сегодня еще не проснулся, но его уже заставили играть под дулом пистолета.

Наконец, трубка отозвалась тем же приятным голосом, что и минуту назад, до ужасной музыки:

– Да, всё верно. Приходите по адресу, указанному внизу страницы. При себе иметь паспорт. До свидания. – В трубке щелкнуло, и раздались гудки.

«Вот так всё просто?» – спрашивал взгляд Петровича, уставившийся в монитор, но тут же перехваченный Варварой Тихоновной.

– А ему всё в новинку, слышишь, Рит? – крикнула она так громко, что Петрович невольно отшатнулся в сторону.

На следующий день, более не раздумывая, он, не позавтракав и даже не попрощавшись, сразу же поехал по нужному адресу.

Глава 2

Королев Григорий Петрович, сорокалетний слесарь, был приглашен на работу в фирму «Новый рассвет», где был обещан крутой карьерный рост и всяческие социальные блага в виде бесплатного медицинского обслуживания – раз, бесплатного трёхразового питания в спецстоловой – два. А самое главное было припасено, когда Петрович едва перешагнул порог шикарного холла с вертушкой и охранником. Внутри его встречал сам Никодим Игоревич Фикс, толстяк в блестящем костюме, как будто где-то в здании шел какой-то маскарад и этот Никодим был... хлопущей, что ли, или слитком золота, если здесь все помешаны на богатстве и «крутом карьерном росте».

– Рад вас приветствовать! – сказал Фикс и протянул руку, как только Королев миновал охранника, предъявив тому паспорт. То, что он сразу узнал Королева, было не удивительно: вчера Григорий Петрович послал по сети свое фото, как того требовало условие приема на работу, и, судя по радостной физиономии Фикса, Петрович понял, что у этого типа весьма сильная память на лица, как у того старого немецкого фотоаппарата, который только что отщелкал кипу секретных документов и парочку подозрительных рож для полноты коллекции.

Когда Фикс представился, Петрович с неудовольствием про себя отметил, как же тяжело ему живется с таким именем и отчеством. Это же выговорить надо: Никодим Игоревич. Впрочем, по имени не судят, успокоил себя Королев и пошел следом за толстяком, приговаривая про себя, словно молитву, «посмотрим – поглядим, поглядим – посмотрим». Толстяк, очевидно, его услышал, когда они шли по длинному ярко освещенному коридору, и как-то по-лакейски шикнул на Петровича: вдруг, мол, хозяева услышат. Королев пожал плечами и, чудесным образом, окончательно перестал волноваться.

Когда они дошли, наконец, до нужного кабинета, толстяк аккуратно выставил вперед свою пухлую руку и толкнул блестящую железную дверь. На холодном металле остался влажный след от потной ладони.

То, что увидел Королев в комнате, нисколько его не взволновало. Пара офисных столов, заваленных толстыми папками с документами – это около двери. А дальше, у окна, такая же пара с поставленными на них огромными мониторами. Под столами стояли пожелтевшие системные блоки, наверное, еще с девяностых несших свою службу на благо компании «Новый рассвет».

В кабинете, кроме столов, был еще человек, которого Петрович не сразу и заметил. Тому пришлось громко кашлянуть, чтобы оторвать взгляд Петровича от пыльных мониторов. Петрович от неожиданности вздрогнул, что как-то странно подействовало на толстяка, который вдруг мелко затрясся всем телом, наверное, внутренне смеялся, потому что по выражению его лица выходило, что он все же так настроен адски серьезно – начальство рядом. Королев отвернулся от живого холодца и посмотрел на того, кто сейчас буравил его взглядом хищных зеленых глаз, и, при этом, неспеша вытаскивал из кармана пиджака сигаретную пачку. Королев сразу отметил, что пиджак у начальника не такой блестящий, как у сопровождавшего его человека-хлопушки, да и весь он смотрелся как-то уж напряженно, будто волновался больше, чем сам Королев. Не сказать, чтобы это сильно его обрадовало, но Петрович почувствовал неожиданный прилив сил и смелости, и даже перестал вздрагивать от неожиданных звуков, например, как только начальник прикурил, за спиной Королева что-то грохнулось и покатилося мелкими шариками. Он не вздрогнул, чему сам несказанно удивился, но все-таки обернулся посмотреть, что там случилось. Кроме упавшего куска прессфанеры, поднявшей тучу пыли, и горстки шариков, блестящих стальным горохом под светом дневных ламп, он ничего не увидел. «И на том спасибо», – поблагодарил про себя, неизвестно кого, Королев, и вновь повернулся к начальнику.

– Сигизмунд Ромуальдович Двин, – представился, наконец, он, и Королев снова пожалел человека, над которым во дворе смеялись дети, иначе он так гордо не выговаривал бы своего имени. По крайней мере, не ждал бы так напряженно ответа Королева, который всем своим

видом показывал полнейшее равнодушие к иноземному имени своего потенциального работодателя.

– Григорий Петрович... – начал, было, Петрович.

– Королев! – весело договорил за него толстяк и хохотнул, будто это у Петровича было тяжелое детство из-за «неправильного» имени.

– Да, – только и ответил Королев, чтобы хоть в чем-то выразить свое согласие, потому что паузы между ответами были и так весьма долгими и настораживающими.

– Королев, – задумчиво повторил начальник и жестом пригласил Петровича присесть за стол с монитором.

Петрович сел и попытался изобразить на своем лице нечто вроде заинтересованности в дальнейшем разговоре, но, честно говоря, он плохо старался, поэтому мина его выглядела кислой и скучной. Однако это, похоже, мало волновало Сигизмунда Ромуальдовича, ибо он сразу взял быка за рога.

– Вот что, господин Королев, есть такое мнение, что большинство людей любит туристические поездки. Вы с этим согласны?

Петрович смущенно улыбнулся, мол, о чем вообще речь: он и туристом-то никогда не был, разве что на дачу съездить, грядки прополоть – помощь, значит, любимой теще. Но помедлив чуть, сказал:

– Положительно.

Те оба переглянулись, и начальник снял вдруг вспотевшие очки.

– Простите, что положительно?

Королев тоже на них удивленно посмотрел и ответил:

– Положительно отношусь к вашему предложению.

Начальник хохотнул.

– Но я же вам еще ничего... А, впрочем, чего тянуть: да, я хотел вам предложить поехать в долговременную командировку, но вы должны хранить эту информацию в секрете и обязаны подписать кое-какие бумаги. Можно сделать это прямо сейчас, не выходя из кабинета, если вы, конечно, согласны.

Королев задержал взгляд на Сигизмунде и спросил:

– А жене можно позвонить?

– Нет, – ответил начальник и достал следующую сигарету. В кабинете, вместе с сизым дымом, повисло тяжелое молчание.

– Ну, так решайте, – сказал Сигизмунд, прищуривая правый глаз, и выпуская жирную струю дыма. – Расценки вы знаете, примерные сроки тоже...

– Да, да: контракт на полгода – я помню, – перебил его Королев.

– Ну, вот, видите – все прекрасно осведомлены. Вы же обсуждали эту тему дома, не так ли?

– Конечно, – тихо отозвался Королев.

– Ну, и прекрасно. Значит, все будут в курсе, что вы приняты на работу.

– Но я должен предупредить... – начал, было, Королев, но начальник резко махнул рукой.

– Да бросьте уже! Сколько вы сидели без работы, и сколько еще просидите?

Королев пожал плечами.

– А я знаю! – он мощно выдохнул дым из носа, – До конца жизни можно просидеть и палец о палец не ударить, чтобы найти что-нибудь стоящее. И вы мне будете говорить о звонке домой? Смешно, в вашем-то положении.

«А он не церемонится», – подумал Королев и втянул голову в плечи, будто ждал, что ему сейчас дадут по затылку.

– И не тряситесь вы так, – продолжил начальник, – возьмите себя в руки. Вам же нужны деньги, как и всем в этом городе. Так почему бы не воспользоваться случаем и не принести пачки новеньких купюр вашей разлюбезной жене и теще? Вы ведь, с тещей живете, правильно?

Королев кивнул.

– Ну, вот, видите, – я почти всё о вас знаю, не задав ни одного вопроса о вашей жизни. И заранее знаю, что вы согласитесь на мое предложение, только отчего-то юлите и прикидываетесь забитым маленьким человечком. Это не ваш стиль, господин Королев.

Тут Петрович вынул голову из плеч и задал весьма нескромный вопрос:

– А какой у меня стиль?

Тут они с толстяком вновь заговорщицки переглянулись и громко рассмеялись.

– Не зацикливайтесь на мелочах – это не ваше, поверьте. Сосредоточьтесь лучше на деле, а именно на том, как приятно будет работать в совершенно непривычной для вас обстановке.

Королев удивленно смотрел на начальника.

– Интересно, правда? – задал ненужный вопрос Сигизмунд. – Но это не главное. Сейчас мой помощник проводит вас в отдельную комнату, приготовленную специально для вас, и даст время для отдыха перед дальним перелетом.

Петрович снова вылупился на него непонимающими глазами.

– А разве я уже сегодня полечу туда... ну, в то место, где работа?

– Вы что же, не внимательно читали то объявление на сайте? Ну, голубчик, помилуйте, как можно быть таким... таким... даже не знаю, какое слово подобрать. В объявлении черным по белому было написано, что, как только человек принимается на работу, он тут же едет до нужной точки, значительно удаленной от места теперешнего проживания нанятого работника. Как, вы и этого не помните?

Королев помотал головой.

– Ладно, сошлемся на вашу невнимательность и общую нерасторопность. А теперь, как говорил товарищ Ленин: «спать, спать и еще раз спать».

Королев пошел вслед за толстяком, семенившим впереди короткими ножками. Королев только сейчас про себя отметил, что коридор как-то подозрительно сузился и, будто, потолок стал ниже.

Когда они дошли до нужной комнаты, толстяк вынул из кармана маленький серебристый ключик и отдал его Королеву. Петрович взял ключ и стал открывать дверь, невольно провожая взглядом удалявшуюся фигуру толстяка.

Он вошел в комнату и увидел кровать, стол и стул. Обстановка живо напомнила ему те простые гостиничные номера, в каких он останавливался, когда ездил по командировкам. Он присел на старый стул, достал из портфеля железную кружку с кипятильником и поставил ее на стол. Ну, всё – теперь он был почти как дома, только вот жены с тещей не хватало. Петрович плюнул три раза через плечо, налил в кружку воды из под крана, и воткнул в розетку кипятильник.

Глава 3

Он стоял у окна. Солнце садилось за зубчатую линию многоэтажек, выстроившихся далеко на горизонте. Около здания, в котором сейчас находился Петрович, и вдалеке на шоссе, загорались оранжевые шары уличных фонарей. Его глаза смотрели на это вечернее великолепие, но не видели ничего, кроме неясных картин, рисуемых его воображением. Все мысли были далеко отсюда – где-то посередине одного из четырех океанов. Размытые очертания того места, куда его должны были отправить, не успели сформироваться в четкую картину: неожиданно громкий стук в дверь заставил его выплыть из своих туманных грёз и отвернуться от багрового заката.

Когда он повернул ключ в замке, дверь вдруг сама отворилась – на пороге, с довольным видом, стоял толстяк.

– Ну, всё – пора в дорогу, – сказал тот и тут же развернулся, чтобы уйти. Королев не выдержал и сказал с неприятной дрожью в голосе:

– Да по стойте же вы. А вещи мои?

– Берите скорее! – крикнул, не оборачиваясь, толстяк, и зашагал еще быстрее. – Двин ждать не будет! – заорал он еще громче из глубины коридора.

– Куда он денется? – прошипел Королев, и, сунув в портфель кружку с кипятком, поплелся за толстяком.

Они спустились к выходу. Около высокого мраморного крыльца, в перекрестном огне ярких уличных фонарей, стояло такси, блестящее своей желтой лакированной крышей. Рядом с машиной стоял Сигизмунд Ромуальдович. Приглашающим жестом он указал Петровичу на заднюю дверь, а сам сел рядом с водителем.

Путь был не близкий, но машина с лихвой компенсировала молчаливую скучную езду высокой скоростью. Ночная дорога освещалась будто солнцем – энергия била ключом из всех плафонов: шарообразных, плоских, продолговатых узких и широких с защитными решетками. На тротуарах не было ни одного человека – всё словно бы вымерло, или, может быть, людей заранее предупредили, чтобы они не попадались в поле зрения Сигизмунда, сидевшего сейчас с хмурым сосредоточенным лицом, будто готовилось что-то серьезное. Королев не умел читать мыслей, но он понимал одно: пока он еще находится в такси, он волен делать всё, что ему вздумается. Но ничего такого делать ему не хотелось, поэтому он сидел смирно, молча глядя на далекие и близкие дома, покрытые слепящими огоньками квартир, словно большие клетки городского зоопарка получили, наконец, подсветку, и теперь под этим светом очень уютно живет, как змеям, так и кроликам, мирно жуящим свой мятый лист капусты.

Когда они приехали в Шереметьево, Сигизмунд повел Королева не к центральному входу в аэропорт, а каким-то окружным путем, обходя огромное здание. Далеко в стороне осталось широкое взлетное поле, откуда взлетали гигантские самолеты. Они пришли на довольно маленький аэродром, о котором, скорее всего, знали не многие. И тут, словно в подтверждение смутной догадки Петровича, Сигизмунд сказал:

– Я тут чартер заказал, так что, мы без общей суеты, прямым рейсом полетим с комфортом, – и странно улыбнулся.

Когда они поднялись на крохотный двухмоторный самолет, внутри уже сидело три человека с автоматами.

– Для нашей же безопасности, – будто извиняющимся тоном сказал Сигизмунд. – Воздушные пираты, знаете ли, есть на самом деле, а не только в приключенческих книжках, – он вновь улыбнулся, только на сей раз, это была вынужденная дежурная улыбка: очевидно, люди с автоматами были тому причиной.

Восемь часов полета прошли незаметно, тем более, что Королев спал, как сурок.

Прилетев на место, они вышли из самолета. Еще до его полной остановки, Королев скорее ощутил, чем увидел, что прилетели они на такой же маленький, как и в Шереметьево, аэродром, только сейчас он утопал в черноте ночи. Слабые огни светились лишь на высокой башне диспетчеров, но от них не было никакого толку. Других самолетов, как и прочей подсобной техники, видно не было.

Как только открылась дверь самолета, в лицо ударил сильный влажный ветер.

– Давайте поторопимся! – крикнул Сигизмунд, и быстро сбежал по короткому трапу.

Королев почувствовал, как ему обожгло лицо чем-то острым, будто несколькими лезвиями порезали кожу.

– Лучше отвернитесь! – вновь крикнул Сигизмунд сквозь ветер. – Это лавовый песок и он очень острый, так что берегите глаза!

– Что же это за место такое? – заорал в ответ Королев, но Сигизмунд ничего не ответил: он лишь махнул рукой, мол, иди – не отвлекайся.

Королев послушно шел за своим начальником, пытаясь разглядеть местность сквозь нагоняемый ветром густой туман. Похоже, что рядом было море, или озеро, но в ночи нельзя ничего разглядеть, кроме черного крупного песка, освещаемого фарами машины, стоявшей в ста метрах от самолета.

Ехали они быстро. Королева укачало и снова потянуло в сон. В машине Сигизмунд протянул ему две какие-то таблетки:

– Возьмите – в дальнейшем они будут вам необходимы.

Через двадцать минут они оказались около низкой бетонной будки, вделанной в скалистый массив, внутри которого располагалась основная часть объекта. Королеву показалось, что здесь притаился пулеметчик, но, когда они вошли внутрь, ничего угрожающего он не увидел. В темных углах низкого холла тихо стояли, по одному, те самые автоматчики, которые сидели в самолете. «Не может быть, как они успели?» – подумал Королев, но тут же списал это на утомительный перелет и быстро забыл как об автоматчиках, так и о самолете.

Сигизмунд показал свой пропуск человеку в форме.

– В сопровождении, – сказал он охраннику, и тот, не задерживая взгляда на Королеве, пропустил их обоих, при этом сообщив что-то по рации.

Другой охранник, стоявший чуть дальше по ходу движения, потребовал у Королева телефон.

– По окончании договора ваша собственность будет вам возвращена.

Королев кивнул, ни на миг не расстроившись – он всё равно не хотел никому звонить, да и не с кем ему разговаривать, кроме жены и тещи. «Пусть поскучают», – подумал Королев, злобно сверкнув очками. Однако, странно, что телефон не отобрали еще там, в Москве. Хотя, чему он удивляется, когда такой шаг со стороны работодателя мог запросто спугнуть Королева, и он отказался бы и от поездки, и от этой работы. «Да, рисковать они не любят», – отметил про себя Петрович, молча следуя за Сигизмундом.

Они прошли дальше по коридору, и Королев увидел эскалатор, как в московском метро. Он даже, было, подумал, что и не уезжал никуда, и что весь этот перелет был лишь его фантазией. Но, как только он ступил на черные ребристые ступени, полотно эскалатора тут же дёрнулось и плавно поехало вниз, что, странным образом, вернуло Королева к реальности. На стенах висели плакаты с нарисованными на них солдатами и с надписями на китайском, наверное, языке.

– А теперь положите таблетки в рот, – тихо сказал Сигизмунд.

Королев повиновался.

Эскалатор спускался всё ниже и ниже. Королев чувствовал, что ему не хватает воздуха, но Сигизмунд, увидев его вдруг побледневшее лицо, тут же предупредил, что сейчас нужно успокоиться, и тогда организм, из-за нехватки кислорода, сам настроится на то, чтобы брать его из своих же собственных клеток. Катализатором для реакции служила специальная таблетка, которая лежала сейчас в желудке Королева и спокойно растворялась пищевыми соками. Потом полученная смесь должна распространиться по всему телу, и у человека сложится впечатление, что он дышит чистым воздухом без всяких ограничений. Самое интересное, что это не будет самообманом: организм получит необходимую часть кислорода, так что, кислородное голодание исключалось.

Они спустились на три километра, как сказал Сигизмунд. Сейчас Королев не чувствовал нехватку кислорода, но скоро...

– Скоро вам нужно будет принять кислородный коктейль, – сказал Сигизмунд, по-прежнему внимательно глядя на Королева.

Эскалатор остановился. Перед ними был мрачный коридор, тянувшийся на несколько километров под островом. Повсюду стоял запах карбида, брошенного в воду. Через каждые сто метров попадались автоматчики в противогазах.

– Ночная смена, – сказал Сигизмунд, повернувшись к Петровичу, – караулят, чтобы вас не украли, – он попытался улыбнуться, но вышло кривовато. Тем не менее, Королев оценил солдатский юмор начальника, однако вслух решил ничего не говорить.

Из общего коридора, направо вбок, шло небольшое, в десять метров длинной, ответвление, похожее на аппендицит в огромном организме. Они подошли к большим стальным дверям, единственным в этой части объекта.

– Ну, вот мы и на месте! – весело сказал Сигизмунд, сунув пластиковый пропуск в щель. Дверь открылась.

Перед глазами Королева предстала огромная комната, в которой располагалось, по меньшей мере, две сотни кроватей, как в какой-нибудь казарме, или госпитале. В помещении было пусто. Где-то под потолком жужжали невидимые кондиционеры, отчего воздух был свежим, как в лесу. Разительный контраст с воздухом коридора поразил Королева, но удивление длилось не долго – голос Сигизмунда вновь вывел его из оцепенения.

– Вот ваша кровать и тумбочка для личных вещей: всё, как в хорошем пионерском лагере. Бывали когда-нибудь в Артеке? – спросил он, с хитрецей в глазах.

– Никогда, – ответил Королев и закашлялся, – не довелось, знаете ли.

– Понимаю, понимаю, – Сигизмунд похлопал Петровича по плечу. – Располагайтесь и отдыхайте, а мне пора назад, в Москву. Может быть, завтра снова прилечу. До свидания.

– До свидания, – пробормотал Королев и положил свой портфель на кровать, застеленную синим суконным одеялом. На секунду он отвернулся, засмотревшись на хромированную тумбочку, в столешнице которой отразилось его бледное и, всё еще, удивленное лицо. Он хотел спросить, где здесь туалет, но Сигизмунда и след простыл.

Глава 4

Королев прилег, не раздеваясь, и провалился в сон до того момента, пока не услышал шум многих голосов. Он открыл глаза и присел на кровати. Кругом были люди разных национальностей, говоривших на разных языках и не обращавших на Петровича никакого внимания. Кто-то играл в шахматы, кто-то читал, некоторые ходили с задумчивым видом, сосредоточенно глядя себе под ноги, но, не видя чужих ботинок или книг, разбросанных на полу, спотыкались и виновато озирались вокруг только для того, чтобы через мгновение снова погрузиться в свои мысли. Другие просто спали, накрывшись синими одеялами, какие были здесь у каждого жильца: их никто не трогал – каждый был занят своим делом.

Прошло пять минут, прежде чем к нему подошел человек и представился:

– Наумочкин Эс Эс.

Вот так прям и выговорил, как будто там, в этом самом эс эс, он и работал.

– Королев, – ответил Петрович и интеллигентно кашлянул, то есть, в кулак. Теща очень любила такую его привычку и постоянно говорила ему об этом, восхищенно глядя в глаза, которые он всегда от стеснительности отводил. Он со странным чувством отметил, что подумал про любимую тещу в прошедшем времени, но тут же об этом забыл.

– Мне поручено сопровождать вас некоторое время, пока не обвыкнетесь, – сказал Наумочкин.

– Звучит прекрасно, – ответил Королев, чувствуя, что будет здесь как дома, то есть, не там, в Москве, в чужой квартире, а именно в своем доме, где он сам себе хозяин, который занимается, чем хочет...

– Может быть, зайдём в столовую? – тут же предложил Наумочкин.

– Почему бы и нет, – с готовностью отозвался Королев, – тем более, что мне надо подкрепиться кислородным коктейлем.

– О, этого добра здесь навалом, – равнодушно ответил Наумочкин и направился к выходу. Королев поспешил за ним.

– Кстати, – сказал Наумочкин, когда они шли по длинному коридору, – можете уже проверить свой счет на карточке.

– Но у меня ее пока нет, – отозвался Петрович.

– Ничего страшного – вам ее выдадут прямо в столовой: у нас здесь всё просто – без проволочек. Вам достаточно предъявить паспорт, и в следующую минуту ваша карта будет готова.

– Прекрасно, – радостно ответил Королев, ощущая себя настоящим добытчиком. Теперь уж Варвара, свет, Тихоновна не посмеет сказать в его сторону, что он распоследний лошара и неудачник по жизни. Да и Ритка по-другому будет к нему относиться, хотя...

Это странное слово «хотя» несколько его напугало, как некое предчувствие, которое приходит внезапно к человеку, совершенно к нему не готовому.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал Наумочкин, и пальцем показал ему на столик в углу, за которым сидела женщина в красной форме.

Королев подошел к столику и представился, попутно доставая паспорт из нагрудного кармана.

Женщина коротко взглянула на фотографию, потом на Петровича, и протянула бумажку – заявление о просьбе оформить карту. Всё действие продолжалось не более двух минут, за которые Королев успел даже заметить в столовой несколько банкоматов, около которых не было ни одного человека.

Когда он отдал заявление, женщина что-то набрала в своем компьютере и сказала:

– Теперь можете пройти к любому аппарату и посмотреть баланс.

– Уже? – удивился Королев.

– Да, – спокойно ответила она, – у нас всё делается быстро. До свидания и, на всякий случай, приятного аппетита.

– Спасибо, – ответил Петрович и радостно прошагал к ближайшему банкомату.

Цифры на чеке приятно его удивили – триста тысяч рублей уже лежало на его счету. «И что, можно сейчас же ими распорядиться?», – задался он простым житейским вопросом. «Конечно, – тут же ответил он сам себе. – Вот как так не жить, а?», и снова, вставив карту в аппарат, нашел в меню фразу «перевести на счет». Он сразу же отправил все деньги жене, благо вся информация об ее счете была написана на мятой бумажке, которая всегда лежала в обложке его паспорта. Теперь Петровича распирала гордость от такого крупного «вклада» в семейный бюджет. И когда он неспеша потягивал кислородный коктейль, никто не мешал ему наслаждаться мыслью, что теперь он «мужик в доме»; что никто не сможет его укорить в полнейшем бездействии; что теперь он, практически, свободный человек, правда, находящийся под землей, но с кем не бывает, не так ли?

– Ну, как дела? – спросил его неожиданно подсевший Наумочкин.

– Лучшего и желать нельзя, – отозвался Королев и потянулся, как после долгого приятного сна.

Наумочкин как-то странно на него посмотрел, но выдал лишь сухой безжизненный текст:

– Вот и хорошо. Теперь, с вашего позволения, я должен проводить вас обратно в спальню и заняться своими прямыми обязанностями: завтра у вас начнется первый рабочий день, и надо хорошенько выспаться.

– Полностью с вами согласен, – кивнул Петрович и встал со своего места.

Перед отбоем, когда в комнате отключили весь свет, эта фраза о настоящем мужике вновь всплыла в мозгу Королева, и он уснул счастливым, сильным и уверенным в себе человеком. «А, ведь, так будет каждый месяц», – успел додумать он мысль, и тут же отрубился.

Глава 5

– А где мы вообще находимся? – спросил Королев Наумочкина Эс Эс на следующий день. Он понял, что, наглухо законопаченный под землей коллектив более располагает к общению,

нежели те, которые сидят на материке под ярким солнцем. Здесь вряд ли есть место интригам и не нужным тайнам, кроме, конечно же, самых, что ни на есть, «секретных секретов».

– Даю вам справку, – тут же откликнулся на просьбу Петровича «открытый» сотрудник. – Мы располагаемся на Азорских островах, что посередине Атлантического океана. Наш остров, Фаял, имеет свой аэродром – Орта, как, впрочем, имеют их и другие острова данного архипелага. Эти острова – официальный кусок Португалии, о чем красноречиво свидетельствует флажок, прикрепленный на флагштоке башни диспетчеров аэродрома, но увидеть его можно только когда вылезешь наружу, что удается далеко не каждому. Не официальные хозяева здесь – мы, то есть наши боссы, которые не хотят огласки своей деятельности. Они много чего сделали за долгие годы своего пребывания здесь.

Тут Наумочкин прервался с той целью, чтобы дойти до ближайшей кофемашины и налить себе бумажный стаканчик кофе.

– Будете? – предложил он свой стакан Королеву, но тот неуверенно пожал плечами. Наумочкин не стал его больше спрашивать и, отхлебнув глоток, продолжил свой рассказ.

– Наш остров на восемь километров отстоит от другого острова – Пику, имеющего гору Пико. Ее высота две тысячи триста пятьдесят один метр. Официальная версия звучит примерно так. Гора Пико, как и остальные острова вулканического происхождения, которые, по сути, и есть горы в океане, является действующим вулканом. Так вот, на самом же деле, информация про вулкан – это хорошо оплаченное вранье, организованное нашими боссами. Страшилку придумали в 70-х годах двадцатого века, чтобы отпугнуть как любопытных туристов, так и притких бизнесменов, пытающихся застроить любую свободную точку на планете. Информация – это такая штука, с помощью которой можно убедить кого угодно в чём угодно, что с успехом используется сильными мира сего.

От наших лабораторий до горы Пико, в толще островного перешейка, проложен шестикилометровый туннель с двумя ветками метро – основной и аварийной. На разных участках метро есть ответвления, которые тянутся к другим островам, и те «ветки» расположены еще глубже и, соответственно, ближе ко дну океана, но там уже вотчина военных, и они делают чёрти что на своей половине, можете мне поверить на слово. Короче, в этом месте Атлантики целый подводный город неопределенной площади и глубины залегания, как бы смешно это ни звучало.

Благоприятные условия изоляции позволили нам сделать в горе Пико самую глубокую и, одновременно, самую высокую шахту в мире. Представьте, что электричка нашего метро, прибывает на конечную станцию. В конце перрона номер два перед вами возникают восемь грузовых лифтов. Лифты расположены по кругу, как патроны в барабане восьмизарядного револьвера. Эта разработка нашего технолога даже получила признание на закрытом собрании «Американской ассоциации по изготовлению грузовых лифтов», правда, об этом мы распространяемся лишь в пределах нашего объекта.

Лифты у нас, как я уже сказал, грузовые, стандартной грузоподъемностью пять тонн. Крепкие железобетонные шахты для них делались пять лет, и работы велись практически без перерывов. Для семидесятых годов эта была очень большая нагрузка. Представьте себе десятки строительных вертолетов и сотни судов с необходимым материалом – и это всё в обстановке строжайшей секретности! Конечно, тогда никаких туристов сюда не пускали, и даже придумали страшилку, что скоро острова, из-за вулкана, взлетят на воздух. Шумиха сделала свое дело: за все время строительства на архипелаге не было ни одного лишнего человека, ни одного компрометирующего слова в газетах... Я почему вам так подробно всё излагаю: начальство хочет, чтобы у вновь прибывшего персонала количество вопросов было сведено к минимуму – вот мы и стараемся довести информацию в полном объеме. Извините, отвлекся. Так вот, для каждого лифта сооружена отдельная шахта. Повторюсь, это была очень трудоемкая и затратная работа, но, как говорится, чего не сделаешь ради мира на Земле. Двери шахты ручные, распаш-

ные, двустворчатые. Они расположены в передней стене шахты, как у большинства стандартных лифтов. Но здесь двери имеются и в задней стене шахты, чтобы был доступ к внутреннему пространству шахтного ствола. То, что можно установить во внутреннем межлифтовом стволе, знают только военные, и допуск к задним дверям лифтов имеется только у них. Проходят они в шахту по специальным проходным картам (вам такую не дадут – не надейтесь). Но вы не загружайтесь так – вас это не коснется, так как относится сие к экстренным случаям, а на моей памяти (я тут почти год работаю) такого еще не было. Жаль, деревяшки нет, а то постучал бы. Вы, кстати, не суеверны? А то, знаете ли, бывали у нас случаи, что некоторые видели призраков в тоннеле метро, но тех горе-сотрудников давно уволили, так что, не увлекайтесь – ибо чревато последствиями. Дальше, ширина кабины лифта три метра, глубина – четыре, а высота – два с половиной. В общем, ничего не обычного – стандартные лифты, я имею в виду, стандарты 70 – х годов прошлого века.

– Зачем такое количество лифтов, разве там и двух мало? – спросил Королев, но тут же пожалел об этом: Наумочкин прервался и несколько секунд смотрел на Петровича, видимо, соображая, стоит ли дальше выкладывать секретную информацию новоприбывшему. Но Королев не дал ему додумать и задал следующий вопрос:

– Вот, вы говорите, это лифты револьверного типа...

– Простите, – прервал Наумочкин, – но это вы так говорите... Впрочем, может быть вы и правы. Какой был вопрос?

– Да, так вот, – сказал Королев и кашлянул, – зачем такие сложности? Почему не использовать обычные шахты со спаренными кабинами, как в наших российских многоэтажках?

Наумочкин терпеливо выслушал возражение Королева, скрытое в этом вопросе, и затем выдал такое, что заставило Королева прикусить язык.

– Потому, друг мой, что здесь нужно мыслить стратегически. При необходимости поднять или опустить в короткое время большое количество груза понадобится больше, чем два лифта, что и так понятно. Другая проблема заключается в том, что в горе Пико нельзя сделать широкий шахтный прямоугольный ствол под восемь лифтов, стоящих в один ряд. Поэтому решили прибегнуть к револьверному типу лифтовой конструкции.

На самом верху горы сооружены машинные помещения лифтов с отдельными выходами наружу, опять же, только для военных. Да, и еще один нюанс: лифты обслуживает бригада монтеров.

– А я тогда зачем нужен? – спросил, ошарашенный новостью, Королев.

– Вы будете на подхвате, что совсем немаловажно, а иногда и спасительно в экстренной ситуации, но это, скорее, редкость, чем норма. На всякий случай, поизучайте схемы лифтов – вам их выдадут в конце рабочего дня.

Еще один момент. Народ, по большому счету, туда, к лифтам, не ездит – основная работа сосредоточена здесь, в лабораториях. На остров Пику едут, в основном, с готовыми партиями товара, а там уже, путем доставки через другие ветки метро, напрямиком к подводным портам, откуда груз развозится по намеченным точкам по всему миру.

– А что за груз такой? – поинтересовался Королев.

– Не все сразу, коллега, – ответил Наумочкин, отвернувшись от Петровича. – Да и потом, вам это совсем не нужно – ваши обязанности будут ограничиваться пределами маленькой слесарной мастерской, куда мы направимся завтра. Обычно вновь прибывшим мы даем три дня на акклиматизацию, но в последнее время эти сроки были пересмотрены, поэтому вам отводятся лишь сутки для теоретического знакомства с объектом, так что – привыкайте быстрее к новому дому.

Наумочкин не делал перерывов в своих объяснениях – сэкономил время. Тут же он перешел к главному, а именно, к тому, что касалось работы Королева.

– Итак, – сказал он, холодно блестя стеклами золотых очков, – первым вашим заданием будет то, что указано в этом списке, – с этими словами Наумочкин вытащил из кармана лист бумаги со списком необходимых деталей. – Это нужно начать делать сразу же, как только мы переступим порог вашей мастерской. В дальнейшем вами будет руководить прилетающий сюда господин Кульков. Точно не могу сказать, во сколько завтра он прибудет на объект, но вам, до его появления, нужно будет влиться в рабочий процесс – время дорого, знаете ли.

В этот момент что-то блеснуло в глазах Наумочкина, но он, как ни в чем ни бывало, продолжил обзор научного объекта.

– Теперь вкратце о самой шахте в горе Пико. Вниз она уходит на десять километров, и могла бы идти еще глубже, но есть риск нечаянно разбудить вулкан. С другой стороны, если возникнет угроза вооруженного захвата объекта, то вулкан будет легко разбужен с помощью глубинных ракет, и все острова зальёт магмой и засыплет радиоактивным пеплом. Это всё, что касается подводной части шахты. А вот её верх пришлось оборудовать около пяти трудных лет. Представьте: пробивать тяжелую породу застывшего камня, расплавленного две тысячи лет назад, было ох как нелегко. Правда, и оплата в те времена шла будь здоровчик – хватило бы нескольким поколениям в нашей стране, если бы не 90-е... Да, так вот, при этой работе нужно было пройти всю гору насквозь, то есть, примерно два с половиной километра в высоту. На самом верху горы Пико (мы ее называем «Черной горой») прорубили, что называется, окно, где друг над другом в шахматном порядке сооружены технологические этажи для лифтов и наблюдательные станции. Наши хотели еще там радары установить, но, из соображений опасности обнаружения, отказались от этой идеи, тем более что сейчас по-прежнему высока туристическая активность на соседних островах...

Наумочкин еще долго посвящал Королева в детали, из которых выяснялось, что обороноспособность острова стоит на высшем уровне, и что никто никогда не сможет взять эту крепость. Однако, только сейчас Королев понял, что если ему всё так подробно рассказывают, значит, его отсюда не выпустят. А если ему повезёт сбежать, когда вдруг захочется, то его везде найдут и уничтожат, как ценного и опасного свидетеля. Но, с другой стороны, большие деньги за его работу, которые он намерен отправлять домой, также будут платить и за его молчание. Да, такая зарплата навсегда снимет с него клеймо безработного. Тогда, хоть и в памяти родных, но он будет настоящим человеком, позаботившимся о своей семье ценой жизни... Будет ли кто ждать его дома, вот в чем вопрос. Жена может загулять (он чувствовал это в последнее время), а теща будет потворствовать ее похождениям – та еще стерва, и он никогда ей не доверял. Однако, сейчас лучше думать о хорошем, и не ходить с кислой рожей по объекту, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Глава 6

Сегодня Королеву снилась какая-то чертовщина. Босым бродил он по черному острову, раздирая в кровь ноги об острый лавовый песок. Когда взбирался на высокую гору за маленькими фиолетовыми цветами, разодрал себе до костей руки. Он потянулся за цветком, который вдруг возник перед его глазами, и как только пальцы коснулись нежного стебля, Королев тут же сорвался с горы, и кубарем полетел в зеленый океан, где его поджидали десятки голодных акул. Их пасти с сотнями острых зубов были открыты, подобно красным капканам с белой неровной каймой, готовые захлопнуться в любой момент...

Петрович проснулся мокрый от пота. Вокруг было тихо, если не считать отдаленного храпа и мерного жужжания кондиционера под высоким потолком. Когда он вновь закрыл глаза и попытался уснуть, из головы не лезло воспоминание о странном взгляде Наумочкина. Этот человек, казалось, уже не боялся самого страшного, словно оно с ним давно произошло здесь, на этом острове, и он заранее знает, чем все должно закончиться. Хладнокровное поведение Наумочкина, опытного сотрудника, могло бы успокоить любого новичка, но Королеву, почему-то, было не по себе от спокойных серых глаз, когда их хозяин лишь намекнул о боевой мощи

островитян. Пусть Наумочкин промолчал о вооружении и намерении неофициальных хозяев острова, Королев, все же, чувствовал, что эти лихие ребята, в случае чего, готовы обороняться всеми доступными средствами, чем были похожи на настоящих смертников, ценою собственных жизней оберегающих свои тайны.

Королеву все меньше и меньше нравились страшные свои догадки, однако, он ничего не мог с собой поделаться: долгое время безработицы сделало из него настоящего философа паники, который не уверен не только в завтрашнем дне, но даже и в следующем часе.

В семь утра Королев и несколько его соседей по комнате вышли в коридор. Пройдя метров двести, они, вдруг, потеснились в правую сторону. Кто-то потянул Петровича за рукав, и он оказался прижатым к белой мраморной стене. Позади этой группы показались крытые тележки, в которых что-то барахталось и пищало.

– Крыс повезли, – сказал один из соседей Королева.

– А, может, кроликов? – предположил другой.

– Скорее всего, и тех и других, – отозвался третий.

Королев решил не задавать лишних вопросов: он и так догадался, что на территории базы может находиться биологическая лаборатория – не зря же везде такая секретность. Однако, в столовой, его будто черт за язык дернул: спросил одного из своих соседей, куда, мол, везли животных. Тот посмотрел на него, как на младенца и добродушным тоном ответил:

– Вырастешь – поймешь.

Через мгновение он добавил:

– Если оно вам действительно надо, спросите у своего «гида», и, если он сочтет нужным, то поставит вас в известность абсолютно по всем вопросам.

Королев понимающе улыбнулся и стал завтракать с таким чувством, будто освободился от бремени ненужных вопросов. Он давно знал, что чем больше молчишь, и чем тише себя ведешь, тем легче живется на этом свете, и даже желудок не так сильно урчит, когда подавляешь в себе желание спросить что-нибудь не по делу.

Прошло пятнадцать минут после того, как Королев сел завтракать. Он не сразу заметил, как к его столику спешит Наумочкин.

– Прошу прощения за опоздание, – скороговоркой проговорил тот, протягивая руку всем, кто сидел за столиком. – Первый раз в жизни проспал, извините еще раз. Я за вами, – обратился он к Королеву. – Быстрее доедайте и пойдем уже до вашей мастерской.

Королев кивнул, с трудом проглатывая кусок котлеты, совершенно забыв про компот, стоявший напротив его тарелки.

Он вскочил со стула, и, пожелав всем приятного аппетита, побежал вслед за Наумочкиным, спешившим, как на пожар.

Как только они вошли в мастерскую, первое, что бросилось в глаза, было два ряда токарных станков, коих числом было шесть. Королев не спеша прошел между станками, и остановился возле сверлильного, стоявшего вдалеке на столе с крепкими толстыми ногами. Старый, еще с советских времен, с облупившейся на жестяном кожухе красной краской, он вдруг всколыхнул в Королеве воспоминания школьных лет, когда вот так же, десятилетним мальчишкой, он сверлил на таком же станке металлические пластины – крепежи для черенков к лопатам для уборки снега...

Королев вернулся к стоявшему у входа Наумочкину и еще раз окинул взглядом мастерскую. На правой стене, недалеко от входа, висел большой плакат без названия. На нем была изображена черная гора, вершина которой скрывалась за белой шапкой облаков. «Наверное, это и есть та самая Пико», – подумал Королев.

В левой стене виднелась дверь, блестящая новым железом, которым она была обита совсем недавно.

– Это склад, правда, маленький, но там есть все необходимое для вашей работы, – сказал Наумочкин, указывая пальцем на дверь. – Можем прямо сейчас пройти и посмотреть, что там есть.

Для входа на склад нужен был пластиковый пропуск, который Наумочкин тут же выудил из своего кармана и отдал Королеву.

– Кстати, этот пропуск будет у вас и для замка от входной двери в мастерскую.

– Спасибо, – ответил Королев, и провел пропуском по щели считывателя. Щелкнул магнитный замок. Заскрипела, открываясь, дверь склада. Из темноты пахло металлом и пылью. Наумочкин, знавший, где расположен выключатель, щелкнул клавишей – зажегся желтый свет: лампы были прикручены под потолком, на противоположной от входа стене. Королеву хорошо было видно пространство склада. На стеллажах, прикрепленных к стенам, громоздились куски металла, в виде болванок, прутков, уголков. Иногда, из этой груды, можно было выудить хорошие целые листы незакаленной стали, годной для разного рода креплений.

Когда они вышли со склада, откуда-то в мастерской появился серый кот: он уставился на Петровича круглыми неподвижными глазами, отливающими в неоновом свете ламп изумрудной матовой изнанкой радужной оболочки, будто елочный шарик в разрезе показал своё нутро.

Королев тоже, не отрываясь, смотрел на кота, пока тому не надоело глядеть на человека, и он, неожиданно отвернувшись от Петровича, стал облизывать себе спину и хвост.

Наумочкин ушел, пожелав успехов в труде, и Петрович, развернув вчерашний список заданий, приступил к его изучению. Первым делом надо было изготовить десять болтов нестандартного размера. Потом нужно сделать столько же гаек к ним.

– Ох, и здоровы же они, – вздохнул Петрович. Он вернулся на склад, и, подойдя к стеллажу с нужным материалом, практически в первую минуту нашел там огромные стальные болванки, необходимые для болтов. Он прикинул, что из их обрезков можно будет потом наделать и гаек.

Неожиданно открылась дверь мастерской. Королев выглянул со склада. На пороге стоял Наумочкин: он привел с собой какого-то человека.

– Знакомьтесь – это Сергей Леонидович Кульков, токарь шестого разряда, ваш начальник.

Королев несмело кивнул и тихо сказал «здрасьте». Кульков протянул широкую розовую ладонь, и они обменялись крепким рукопожатием. Плотный, сильный на вид человек лет пятидесяти выглядел вполне довольным жизнью, веселым от такого назначения, энергичным в свете неоновых ламп. По сравнению с тусклым Королевым, у которого с утра раскалывалась голова, он смотрелся неунывающим спортсменом, готовым ставить любые рекорды. Петровичу стало неловко за себя, такого разбитого и неуклюжего, что он, не спросив даже, как Кульков добрался до места, пошел к ближайшему станку, закреплять болванку для резки болта нестандартного размера, нужного для крепежа подвесной балки противовеса лифта номер четыре, что «ползал» внутри горы Пико.

Глава 7

Ежедневно Кульков давал задания – Королев их исполнял. Кроме них двоих и, разумеется, кота, никто в мастерской больше не работал. Оставался открытым вопрос: кому нужны шесть огромных станков, когда, по-хорошему, заняты только два? Ответа никто не давал. Тогда наши мастера решили использовать станки, как дополнительную помощь, то есть, если надо было сделать десять изделий, Петрович с Кульковым заранее помещали болванки в зажимы всех шести станков, чтобы потом не тратить время на их установку, чем значительно сэкономили рабочие часы.

Каждый день они вкалывали до семи вечера. После работы вместе шли в столовую, заправлялись кислородным коктейлем (Кульков любил еще и пива выпить), и потом – до комнаты отдыха, где уже половина работяг играли в шахматы, в карты, смотрели телевизор, или

просто спали. Другая половина народа, отсутствовавшая в комнате, оставалась в ночную смену, доделывая то, что не успели сделать в дневную. Как ни странно, но сменщиков у слесарей не было – считалось, что у них и так не большая нагрузка, а иначе никто не смотрел бы на них с неким превосходством, на что Петрович старался не обращать внимания, в отличие от Кулькова.

На следующее утро всё начиналось сначала. Как только Королев после завтрака приходил в мастерскую, он сразу же начинал доделывать то, что осталось с вечера. Каждый раз нужно было торопиться, чтобы не схлопотать нагоняй в виде штрафа.

Обычно через час после прихода Петровича, появлялось «начальство».

– Здорово, молодой! – орал, входивший в мастерскую, Кульков.

– Здорово, старый! – в тон ему отвечал Королев, стараясь перекричать работающий станок.

Так каждое утро приветствовали друг друга мастер и подмастерье, иногда меняя обращение на «очкарик» и «толстый». Никто ни на кого не обижался – все были в одной лодке, в которой надо было поддерживать ровные отношения.

– Сегодня новое задание! – крикнул однажды Кульков, стараясь переорать работающий станок. – Болтов более не точим, втулок разных тоже не делаем, ибо теперь возьмемся за хомуты!

– Какие еще хомуты? – удивился Королев.

– Обычные, как на водопроводных шлангах. Только будут они во сто раз крупнее!

– Это для чего же такая страсть? – вновь подал голос подмастерье.

Кульков бросил на него усталый взгляд и постучал пальцем по своему лбу, на котором обозначились глубокие морщины, до сегодняшнего дня не замечаемые Королевым.

– Для чего-то более крупного, чем обычные шланги! Понял?

Станок Петровича продолжал работать, но, похоже, Кульков был рад тому, что не надо шептаться на ухо то, о чем вслух говорить опасно.

– Будем их резать, когда выкройку сделаем! – проорал Кульков.

– А где металл взять: листовой-то давно кончился?

Кульков махнул рукой, мол, выключай станок, и, достав мятую сигарету, щелкнул зажигалкой.

– В течение часа нам должны его доставить из нижеуровневого склада – вот и будем из него кроить и резать.

– А сейчас что делать? – по привычке проорал Королев, в наступившей тишине.

Кульков почему-то боязливо оглянулся, будто с ними в мастерской был еще кто-то.

– Выкройку будешь чертить, – ответил он, и достал из кармана, сложенный вчетверо лист бумаги, на котором была начерчена схема хомута.

– Это, что называется, сложная кройка. Видишь, сколько выемок и «карманов» надо сделать? Прорези, опять же, посмотри какие вычурные, будто в них иголки какие-нибудь вставлять будут. Короче, вот эту схему нам надо увеличить в девяносто семь раз и всё расчертить на миллиметровке. Потом вырежем шаблон и аккуратненько, точь-в-точь, будем копировать на металл.

– А лазерных установок здесь нет, чтоб без всяких огрехов работу сделать? – спросил Петрович.

Кульков с силой выплюнул сизый дым.

– Ты на компьютере можешь работать?

– Только как средний пользователь, – сказал Королев универсальную фразу, чтобы больше не возникало вопросов об уровне его компьютерной грамотности.

– Вот, то-то, что средний, – огрызнулся Кульков. – Нет, будем по-старинке работать – карандашом и чертилкой.

Петрович кивнул.

– Ну что, сообразил, куда такой стальной «поясок» годен? – Кульков пустил серую струю дыма в потолок.

Петрович задумчиво посмотрел на предупреждающий плакат о запрете курения на рабочем месте. Сдыхавшая неоновая лампа мигала второй день, мотая нервы, но никто не хотел лезть на стремянку, потому что у обоих болели спины.

– Могу лишь предположить вариант с какими-нибудь трубами.

– Правильно, – кивнул Кульков. – Ну, а еще?

– Ну, не знаю, для посуды они явно не годятся.

Кульков усмехнулся.

– Для вентиляции – тоже сомневаюсь: здесь все воздуховоды квадратного сечения, а наша выкройка – для круглых труб.

Кульков снова задумчиво кивнул.

– Если только... – Петрович остановился в своих гаданиях.

– Ну-ну, – поторопил его Кульков.

– У меня, правда, это лишь дурацкое предположение... Если только речь не идет о каких-нибудь ракетах.

Кульков кивнул.

– Вот и я так думаю, – сказал он, вновь тыкая сигаретой в станок.

– Неужели вы думаете, что здесь есть ракеты? – спросил Петрович.

– А почему бы и нет? Остров, как ему и положено, изолированная территория: до материка почти две тысячи километров, как мне здесь говорили. Полста лет никто не мешал местному руководству всё здесь так организовать, чтобы...

– Не может быть... – прервал его Петрович.

Кульков поднялся со своего места.

– Ну, может, не может, а мы должны заниматься нашим заказом.

– Я только одного не пойму, зачем ракетчикам нужны хомуты?

Кульков наморщил лоб.

– Ну, очевидно, для корпусов. Больше я ничего придумать не могу.

– А что с корпусами не так: проржавели, треснули, или потерялись?

Кульков устало посмотрел на Петровича.

– Ты меня, что ли, спрашиваешь? Иди к ним сам и спроси, а они тебя пошлют куда подальше.

– Ну, понял я, чего там, – буркнул Королев.

– Понял – прекрасно, только от меня отвяжись – без тебя тошно.

– А что случилось?

– Ничего такого, – ответил Кульков, – только, вот, зарплату чего-то сегодня не дали.

– Почему?

– Не знаю.

– Ну, так узнать надо.

– У кого я узнавать-то буду? – взволнованно спросил Кульков, и вновь полез в карман за сигаретами.

– Полагаю, у Наумочкина – он у нас здесь всё знает.

– Правильно полагаешь, – отозвался Кульков, – вот у него и спрошу.

Пару минут они просидели в полном молчании. Наконец, Петрович почесал в затылке, и сказал:

– Да, работы предстоит не на один час.

– Я бы сказал, не на одну неделю, но говорить этого не буду, – ответил Кульков. – Ладно, давай, принимайся за работу. Поищи сначала копирку: где-то здесь должны быть метровые листы для крупных заказов.

Королев кивнул и пошел в дальний угол мастерской к большим деревянным шкафам, где хранились инструменты, свёрла, резцы и прочий слесарный скраб.

Когда он открыл нижнюю дверцу среднего шкафа, то увидел там толстые рулоны каких-то схем. Вместе с ними лежали обрезки миллиметровой бумаги, но копки Петрович не нашел. Тогда он полез в соседний шкаф: та же история – нет копки.

– Не могу найти, – сказал он Кулькову, поднимаясь с колен и отряхивая брюки от железных опилок, разбросанных по всей мастерской. – Чего делать-то? Где искать?

Кульков сделал пару затяжек, и, швырнув окурок в поддон токарного станка, вышел из комнаты.

Петрович остался один. К нему подошел скучающий кот и один раз мяукнул.

– Жрать, наверное, хочешь? – спросил он у кота.

«Наверное, хочу», – ответили изумрудные глаза, и кот облизал свой нос тонким розовым языком.

Петрович вздохнул и пошел в столовую, чтобы прихватить что-нибудь для кота, да и самому перекусить. По пути, он надеялся догнать Кулькова и узнать, где можно заказать копку, если уж никак ее нельзя найти в мастерской.

Когда Петрович шел по длинному коридору, он так и не встретил Кулькова – тот, скорее всего, убежал далеко вперед, или же нырнул в какую-нибудь лабораторию: на днях там, говорят, обновился женский персонал.

Дойдя до столовой, Петрович столкнулся в дверях с Наумочкиным.

– О, добрый день! – радостно сказал Наумочкин. – Как дела?

Королев почувствовал слабый запах алкоголя, исходивший от Наумочкина.

– Здрасьте, – ответил он, – нормально. Моё начальство мимо вас не пробежало?

– Н-нет, – весело ответил Наумочкин и оглянулся по сторонам, видимо стараясь отыскать Кулькова среди людей, набившихся в столовую. – Слушай, Петрович, он тебе в слесарке не надоел? Чего ты за ним гоняешься?

Королев промямлил:

– Да, понимаете, ему зарплату не перечислили, вот он и ушел вас искать, чтобы разьяснить этот вопрос.

Наумочкин серьезно посмотрел на Королева.

– Во-первых, чего меня искать, когда я такими вещами не занимаюсь. Во-вторых, это не ваше дело, господин Королев, что ему зарплату не дали. Если у человека возникают финансовые затруднения, то он обычно обращается в финансовую часть, которая у нас прекрасно функционирует. У меня же задачи вполне конкретные – вводить в курс дела новичков вроде вас, не более того.

– Понял, – тихо сказал Королев.

– Прекрасно! – резко ответил Наумочкин. – Еще есть вопросы?

Королев пожал плечами.

– Да так, был один нюанс, связанный с текущим заказом...

– Что за нюанс?

– Понимаете, мы тут предположили, что заказанные нам хомуты годятся для каких-нибудь ракет. Вот я и спрашиваю.

Наумочкин вздохнул и, положив ему руку на плечо, отвел Королева в сторону.

– Если шила в мешке не утаишь, значит, так тому и быть. Да, действительно, на объекте существует такая... служба. В общем, вы же в курсе, что всё новое – это хорошо забытое старое?

– Да, в курсе, – ответил Королев.

– Так вот, – продолжил Наумочкин, скрестив, для солидности, руки на худом животе, – в середине девятнадцатого века был такой оружейник Кристофер Майнер Спенсер. В тысяча восемьсот шестидесятом году он изобрел для винтовки прикладный магазин, в котором патроны шли друг за другом, то есть, острие пули каждого последующего патрона упиралось в капсулю предыдущего. Под воздействием мощной пружины патроны выталкивались в ствол для последующего выстрела. Почти по такому же принципу устроена и наша ракетная шахта. Она чрезвычайно сложна в своем устройстве, но очень проста в использовании. В нашей шахте находится примерно сто ракет. Их могло бы быть намного больше, но, поверьте, что общей убойной силы этих «малюток», содержащейся в их зарядах, хватило бы для уничтожения нескольких городов-миллионников. Так что, наш остров – довольно грозная сила для того безумца, который однажды вознамерится напасть на нас. Что касается расположения ракет, то здесь всё очевидно: они отделены друг от друга толстыми плитами, сделанными из наипрочнейшего материала, который, кстати, создан на нашей базе. При запуске ракеты номер один, то есть, самой верхней, отработанные газы уходят в шахту, не причиняя вреда стоящим ракетам. Газы проходят сквозь щели, специально оставленные между торцами защитных плит и стенами шахты. Ракетная шахта состоит из жаропрочного бетона, так что угрозы повреждения стенам нет. Отработанный газ, пройдя около сотни метров, выходит в боковой туннель, выходящий наружу – в сторону океана. Иногда, когда делаются пробные запуски, можно видеть, как пламя вырывается из «окон», сделанных по всей высоте горы. Но, как вы уже поняли, это могут видеть только туристы, которым заранее говорят о вулканической активности Пико, правда, не опасной в то или иное время года.

После запуска верхней ракеты, плита, стоявшая под этой ракетой, отодвигается и автоматически сбрасывается на дно шахты, где ее потом подбирают и складывают – она еще может пригодиться в будущем.

– И это всё? – наивно спросил Королев.

– Да – всё, – ответил, улыбаясь, Наумочкин. – А теперь, идите и работайте. Если вдруг я увижу вашего босса, то непременно ему передам, что вы его искали.

– Спасибо, – ответил Королев и пошел обратно, к себе в слесарку.

Когда Кульков вернулся обратно, Петрович все-таки чудом отыскал копировальную бумагу.

– Привет, – удивился Кульков, – где ты ее нашел?

Королев тряхнул головой.

– Сроду не догадаетесь.

– Ну-ка, ну-ка, давай, жги.

– Короче, возвращаюсь из столовки, и вижу – кот вылезает из под шкафа и мяукает: опять, значит, жрать просит, как в прошлый раз. А я из столовки как раз хотел ему принести, да забыл... Ну, не важно. Так вот. Вылезает кот, орет жалобно, на меня смотрит, не отрываясь. Потом, раз – снова под шкаф, и оттуда орет. Я наклонился и посмотрел туда – в темноту. Смотрю, значит, белеет что-то, будто плакат какой. Я лег на пол, залез под шкаф и тихонько вытащил этот лист – оказалось, что это копия.

– Ну, ты и молодец: хоть по всему объекту искать не пришлось. Коту спасибо надо сказать. Ладно, давай снова иди в столовку и принеси ему что-нибудь в награду. Да побыстрее, а то у нас сегодня еще конь не валялся.

– Понял вас, – сказал Королев и снова пошел до столовой, надеясь в этот раз не забыть про голодного кота.

Глава 8

Королев с головой ушел в работу. Увеличение чертежа и его последующее копирование доставило ему много хлопот. Работа заняла почти неделю. Пришлось повозиться с черчением

мелких деталей, а Королев еще в школе не отличался аккуратностью, так что, нужно было кое-что переделывать.

Наконец, шаблон был готов, и этот единственный образец послужит мерилем для всех последующих изделий, которые никак не должны отличаться от предыдущих. Петровичу снились толстые и тонкие линии, процарапанные на металле, который, кстати, тогда, неделю назад, так и не доставили. Уже в конце недели Кульков с кем-то ругался по внутреннему телефону, объясняя, что у них не сто рук, и что никто не потащится в такую даль. Он в гневе бросил трубку на рычаг и закурил пятую по счету сигарету. Петровичу не понравился взгляд Кулькова, но он не торопился спрашивать, в чем дело.

Через несколько минут после неприятного разговора, Кульков сам подал голос:

– Короче, Гриш, надо будет тебе ехать на тот остров, где гора, и самому доставлять сюда материал. Могли бы, конечно, и вдвоем поехать, но мне приказано не оставлять слесарку без присмотра – вдруг что случится, а здесь никого нет.

– Я так понимаю, что займемся мы этим завтра? – с надеждой в голосе спросил Королев.

– Правильно, Гриш, понимаешь – завтра. А теперь, иди – отдыхай. Вон и кот, видишь, довольный, лёг на свое любимое место.

Королев посмотрел на старый письменный стол, за которым никто из них ни разу не сидел, да и не собирался. Заваленный кучей разных бумаг, с зеленой лампой в правом углу столешницы, за ненадобностью, придвинутой к самой стене, стол был покинут лет десять назад. С него ни разу не вытирали пыль, не смахивали с ножек паутину, клоками повисшую, словно куски старой серой тряпки. Вообще, весь тот угол был каким-то заброшенным, и никто не стремился вдохнуть туда хоть сколько-нибудь жизни. Вот в этом «мертвом» уголке кот и нашел свое лежбище: никто не гнал его с вороха бумаг, а ему и то радость – пошелестеть когтями по скрученным ватманским листам, покрытым желтой сантиметровой пылью.

Петрович пошел отдыхать, а Кульков остался в мастерской по какой-то своей надобности.

Придя в комнату отдыха, Королеву бросилось в глаза, что никто не лежал на своих кроватях – все были, что называется, на ногах – шел оживленный спор сразу между всеми, кто сейчас был здесь. Такого Королев еще не видел – сотня человек, спорящих о том, что столовую закрывают, и что теперь есть они будут здесь, в этой самой комнате.

– Тогда все тараканы к нам сбегутся, – говорил один.

– Не бойся – их давно здесь нет: радиация давно всех убила.

– А, может, совсем наоборот – вскормила? – отозвался третий спорщик. – Слышали, на днях кто-то заявил, что все они живут в метро, и так же, как в крупных городах, достигают довольно внушительных размеров и изобилуют многообразием форм.

– Да ладно вам придумывать, Степан Викентьевич. Вы еще скажите, что обыкновенный таракан вдруг превратился в необыкновенного, скажем, гигантского краба...

– А что вы думаете – и скажу: да, таракан мог стать крабом, если дать ему жить рядом с морской водой, ежедневно облучая его малыми дозами радиации. Учитывая специфику работы наших лабораторий, не удивлюсь, что в метро уже выросло такое чудо-юдо, что, раз взглянув на него, вмиг забудешь и свое имя, и собственный идентификационный номер.

– Вы, разве, его еще помните, уважаемый Степан Викентьевич?

– Я всё помню! – возрился тот разгневанными глазами на своего визави. – Я всегда должен помнить свой номер. На всякий случай. Тем более... Тем более, в этом страшном месте.

– Почему же страшном, позвольте вас спросить? Вот мне, например, чрезвычайно комфортно работать под искусственным освещением семнадцать часов в сутки – я чувствую себя нужным коллективу, и, следовательно, не зря живу на свете.

– Вы сейчас смеётесь что ли? – чуть не плача отозвался Степан Викентьевич. – Какая может быть радость, когда сидишь на вулкане, да еще знаешь, что кроме участи смертника, нам здесь ничего не светит? – он дрожал от гнева, и готов был кинуться с кулаками на собесед-

ника, но понимал, что двухметровый бородатый детина, профессор по микробиологии, Курт Люттэ, при желании, сомнет Викентьича в комок, и выкинет в окошко, нарисованное на стене комнаты.

– Этот спор мне положительно надоел, Степан. Давай-ка, лучше, в шахматишки перекинемся, а то опять не уснешь от нервов, – басом прогремел гигант на всю комнату.

Его товарищ странно дернулся при последних словах и пошел к своей тумбочке за шахматной доской.

Между тем спор в комнате не утихал: всем хотелось знать, что же будет со столовой, и кто, собственно, будет им приносить еду в таких количествах. По сути, предполагалось, что завтраком, обедом и ужином будут кормиться одновременно триста человек, а это не совсем легкая задача – три раза в день таскать еду в другой конец коридора, то есть, примерно, полкилометра.

– А почему столовку закрывают? – спросил Петрович у Люттэ.

Бородач к нему обернулся и сказал:

– Никто не закрывает нашу столовку – просто они временно отдают помещение под фармацевтическую минифабрику, потому что все тесты прошли успешное испытание, и теперь надо, в срочном порядке, приступить к изготовлению вакцины, а кабинетов не хватает.

– А где они будут еду готовить? – спросил кто-то из толпы.

– Не наши проблемы, – громко ответил бородач, – этим занимается администрация, поэтому не надо паники!

Тут его прервал Степан Викентьич, грозно сверкая очками и потрясая шахматной доской:

– Уважаемые коллеги, давайте уже расходиться по своим делам.

Петрович понял, что сказанное относилось больше к нему, чем к Люттэ. Он извинился и отошел в сторону. Чудесным образом все спорщики, следуя примеру «шахматистов», как по команде, стали расходиться по своим углам, берясь, кто за карты, кто за телевизионный пульт. Через пять минут в комнате наступила полная тишина – спорить было более не о чем: обо всем позаботится руководство, а остальное – суета.

Глава 9

На следующий день Королев вновь столкнулся с Наумочкиным, правда, тот куда-то страшно спешил, и, едва поздоровавшись, бросил на ходу:

– Позже поговорим, только напомните мне обязательно!

– О чем напомнить? – сказал самому себе Петрович, видя, как мелькает спина убегающего Наумочкина.

Когда он пришел в слесарку, Кульков был уже на месте. Рядом с ним стоял человек в военной форме, которому Кульков что-то горячо объяснял, а тот всё время вертел головой в разные стороны, будто вокруг него летала муха.

– Вот, кстати и он, – сказал Кульков, показывая рукой на вошедшего Петровича. – Знакомьтесь, это майор Орешкин, а это – Григорий Королев.

– Очень приятно, – отозвался офицер и протянул руку. Петрович пожал ее, и майор, попрощавшись с Кульковым, пошел на выход.

– За мной, пожалуйста, – сказал он Петровичу. Королев не успел даже поздороваться со своим начальником, а тот и не настаивал – лишь рукой махнул, иди, мол, скорее отсюда, а то...

Офицер шел впереди. Королев думал, что, наверное, ему не удастся поговорить с этим человеком по поводу того, куда они направляются, хотя он догадывался, что их путь лежит напрямиком к метро.

Шли они быстро. Офицер, не оборачиваясь, шагал четким уверенным шагом, как на параде. Петрович еле за ним поспевал, но не жаловался.

Наконец перед ними показались широкие стеклянные двери с надписью «Вход строго по пропускам». Майор вставил пластиковую карту в щель считывателя, приделанного на двери,

и, пропуская вперед Королева, закрыл за собою дверь. Они вышли на перрон, помеченный номером первым, о чем ясно говорил маленький желтый плакат с черной цифрой, свисавший с потолка. Потянулись скучные минуты ожидания электрички, когда они стояли за красной линией безопасности. Королеву хотелось как-то скрасить короткую скуку, и он решил слегка разрядить обстановку:

– А правда, что в тоннеле есть огромные тараканы в виде крабов? – задал он глупый вопрос майору, когда прошло минут пятнадцать после того, как они вошли в метро. Майор удивленно посмотрел на Королева, но промолчал. Как ни странно, Петровичу стало легче от того, что он выговорился таким вот образом, и, на сей раз, решил молчать вплоть до того момента, пока тот сам с ним не заговорит.

Наконец, подошла электричка. Старые вагоны, возившие людей с середины семидесятых, выглядели, тем не менее, как новенькие. Бригады мастеров тщательно следили за состоянием корпусов, применяя для их обработки новейшие синтетические средства. Вообще, особая обстановка на островах каким-то непостижимым образом влияла на Королева. Он не мог себе объяснить, почему, например, все вещи, которыми он пользовался – от зубной щетки, до токарных станков, не стареют, и выглядят так, будто только что сошли с конвейера. Внешний вид вещей странным образом влиял на Королева, будто он тоже, вместе с ними, обновлялся, становясь моложе, когда касался их рукой, или проходя мимо них. Эта уверенность в тонких, невидимых глазу, переменах, была его единственным секретом, которым он ни с кем не хотел делиться. Он чувствовал, что именно в таком молчании ему становится по-настоящему хорошо и спокойно под трехкилометровым слоем земли. Остров, напичканный тайнами, сам сделал Королева живой тайной, эдаким ходячим секретом, который не хочется никому открывать.

Ехали, по-прежнему, молча. Королев обратил внимание, что за шесть километров пути, майору несколько раз хотелось что-то сказать, но он постоянно себя удерживал, потому что Королев был человеком для него новым, и офицер, видимо, опасался, что их разговор может быть передан наблюдающему органу, который, несомненно, тут существовал. Эта догадка молнией пронеслась в голове Королева и он не стал давать повода майору заговорить с собой. Он даже демонстративно отвернулся и уставился в большое квадратное окно, где, кроме черноты, ничего не было видно.

Королев мысленно прикинул, что если скорость электропоезда сто километров в час, то путь в шесть километров они преодолеют за три с половиной минуты. Был, правда, один момент, когда скорость значительно снизилась, но потом электричка настолько ускорила, что только свист от колес стоял под полом.

В самом конце пути, майор повернул голову к Петровичу и сказал:

– Обратно поедете по аварийной ветке. А дома уже разгрузитесь с обратной стороны своей мастерской. Это понятно?

Королев кивнул, не проронив ни слова.

Вскоре они прибыли на место. Это был точно такой же перрон, в середине которого стоял столб с надписью «Перрон № 2». В конце огромного зала поблескивали двери трёх лифтов, видимых с той точки, где стоял Королев. Майор быстрым шагом снова шел впереди – они направлялись к лифтам. Широкие двери грузовых лифтов показались Королеву настолько высокими, что он не поверил словам Наумочкина о двух с половиной метрах в высоту, если только сам Королев не убавил в росте за время поездки в метро. Ненароком мелькнула мысль о чрезмерном употреблении кислородных коктейлей, но, постоянно слыша об их пользе, он постарался об этом больше не думать. Подойдя вплотную к лифтам, майор нажал кнопку вызова. Петрович прикинул, что пара минут у него есть и обошел вокруг лифтовую «восьмерку». «Да, красиво», – подумал он, завершая «круг почета». Лифты смотрелись цельным железным столбом с едва заметными швами дверей. Точно пригнанные детали создавали впечатление, что всю конструкцию вылили из единого куска металла и установили здесь, снаб-

див, для красоты, кнопками вызова. Если бы не эти кнопки, то было бы довольно трудно отделить одну кабину лифта от другой. «Кому нужна эта красота, если ее никто, кроме нескольких человек персонала, не видит?», – вновь, с сожалением, подумал Королев. Наконец лифт подъехал. Майор вставил прозрачную пластиковую карту в едва видимую щель над кнопкой вызова. Что-то щелкнуло внутри стальной стены, и двери, с мягким свистом, вышли из своих пазов ровно настолько, что майор мог просунуть ладонь и распахнуть одну дверь за другой. Вошли в просторную кабину, которая была явно больше, чем кухня Петровича в московской квартире. Ехали быстро. Лифт набирал скорость так, как если бы за ним, в темном лесу, гнались разбойники. Майор спокойно смотрел на закрытые двери. Королев же не мог стоять на месте, как оловянный солдатик, и повернулся к противоположным дверям, которые были более заметны, чем внешние. Так же, как и снаружи, на правой стороне внутренних дверей была еле заметная щель для карты доступа.

Приехали довольно быстро. Вышли в мрачный коридор, бывший не таким широким, как около метро.

– Мы сейчас находимся внизу на глубине семь километров, – подал голос майор. – Идем на склад, где собраны, как новые, так и отработанные материалы.

– Понял, – ответил Королев, ясно осознавая, что кроме этого слова, он больше из себя здесь не выдавит. Темный коридор с зелеными стенами как-то странно действовал на психику. Петровичу хотелось скорее загрузиться и, не оглядываясь, покинуть это место. «Чем больше смотришь на горшок, тем дольше он не закипает», – вспомнилась ему вдруг старая поговорка. И чем сильнее он будет хотеть вырваться отсюда, тем дольше и томительнее будут минуты ожидания свободы от тесных стен.

Вскоре они дошли до двери с узеньким окошком. Офицер нажал черную кнопку звонка и окошко отворилось.

– Чего вам? – буркнул голос.

– На склад за материалом номер четырнадцать.

Окошко тут же закрылось. Через минуту оно снова блеснуло в полумраке единственной своей створкой.

– Пропуск.

Майор сунул пластиковую карту в щель около окна.

– Порядок, – отозвались по ту сторону двери. – Ожидайте.

– Ну, вот, опять ждать, – выдохнул офицер: видимо, он тоже хотел поскорее вырваться из цепких объятий темного коридора, в котором, казалось, не хватало воздуха.

Королев продолжал молчать, чтобы не выглядеть ждущим общения, а потому беззащитным перед гнетущей тишиной.

Десять минут прошло без единого звука. Иногда в стенах что-то жужжало, будто там находился огромный голодный желудок, бродивший своими соками в ожидании пищи.

Наконец, окошко открылось, и голос сказал:

– Пройдите прямо пятнадцать метров до двери номер три и ждите дальнейших указаний.

Офицер тихо вздохнул и зашагал вперед. Петрович поплёлся за ним, думая лишь об одном – пусть это будет последняя дверь, а потом – домой. Он вдруг поймал себя на мысли, что только что назвал домом то место, в котором жил лишь третью неделю, но настолько привык вставать по расписанию, есть по распорядку и работать строго до семи вечера, что не очень-то хотел перемен в своей наладившейся жизни, пусть и без семьи.

Когда они дошли до нужной двери, над ней загорелась красная лампа. Через минуту дверь отворилась и голос сказал:

– Войдите.

Офицер вошел первым. В довольно просторной комнате тихо работал радиоприемник, передающий старые иностранные песни. Высокий широкоплечий человек в черной спецовке

велел им следовать за собой, махнув рукой. Он шел прямо до противоположной стены с огромными стеллажами, на которых лежали длинные железные пруты разной толщины и ровно порезанные металлические листы.

– Это новый материал – он вам не нужен, – сказал человек в спецовке. – Пройдите сюда, – он вновь показал рукой на соседние стеллажи, на которых валялась всякая рухлядь, типа сломанных радиоприемников, телевизоров, рваных огромных бидонов из-под молока, ломаной арматурной проволоки и кусков листового металла, с неровными, будто обкусанными краями.

– Вот отсюда и будете брать, – сказал он и сел на стул, стоявший по соседству со стеллажами.

Королев тоскливо посмотрел на лежавшие в двух метрах от него новенькие листы, и, надев грубые рабочие рукавицы, стал вытаскивать лист за листом, стараясь не порвать свой халат. Листы он ставил рядом со стеллажом. Майор помогал ему, как мог, но Королеву лучше работалось одному, поэтому он жестко сказал:

– Я сам.

Майор тут же отошел в сторону, будто только и ждал этих волшебных слов. Королев, правда, ошибся в своих скоропалительных выводах, так как офицер пошел за огромной телегой с высокими бортами и, вскоре, подкатил ее к Королеву. Как оказалось, это была электрическая телега с универсальными колесами. Когда грузчик оказывался в ограниченном пространстве, где невозможно повернуть телегу, то нужно было всего лишь нажать кнопку рядом с поворотной тягловой ручкой. В ту же секунду из днища выскакивали длинные штыри в виде широких вилок – они упирались в пол и приподнимали телегу всего на сантиметр, что было вполне достаточно. В это время колеса автоматически поворачивались на девяносто градусов, и штыри убирались – телега «вставала» на колеса и была готова к новым маневрам. Теперь она могла двигаться боком, и никакие узкие коридоры не были преградой для движения. Мощный электропривод телеги позволял перевозить до пяти тонн груза, но Королеву нужно было всего лишь полторы тонны материала для выполнения заказа.

Через три часа телега была набита доверху. Великан в черной спецовке попросил Петровича расписаться в получении материала и, только после этого, широкие двери открылись (как оказалось, это были складские выдвигные ворота), и Королев с майором очутились в том же узком коридоре, из которого попали на склад.

Мерно жужжал электропривод, толкая телегу вперед. Петровичу было уже не так тоскливо на душе: задание он наполовину выполнил и теперь возвращался домой, где его ждали токарные станки, начальник и кот.

Путь назад оказался намного быстрее. Пройдя по тому же самому коридору и дойдя до лифтов, майор сказал, что здесь им придется расстаться, и что Королеву нужно самостоятельно добираться до перрона номер четыре аварийной ветки метро, а там уже и до родной мастерской пятнадцать минут ходу, считая поездку в электричке.

Действительно, путь до метро занял около получаса. Загрузившись в специальный товарный вагон, Королев с удовольствием растянулся на кожаном сиденье и даже задремал на пару минут, пока резкий толчок от остановки электрички не разбудил его. Выйдя на перрон номер три, он, по длинному коридору, шедшему параллельно основному «рабочему», вернулся назад, оказавшись по обратную сторону своей мастерской. Добрался он со своей телегой по короткому поперечному коридору, дойдя, наконец, до двери родной слесарки.

– Явился, не запылится! – весело приветствовал его Кульков. – Всё привез?

– Вроде как по списку всё, а так не знаю, может, еще чего надо было прихватить?

– Нет уж, спасибо – нам чужого не надо, – ответил Кульков и пыхнул сигаретой в сторону от Петровича.

Глава 10

Работа спорилась. В довольно короткое время Королев справился с шаблоном, сделав точное подобие схемы, аккуратно перенес её на листы металла. Потом он нарезал аккуратную стопку хомутов, на что у него ушло, в общем, три смены. Кульков, иногда работавший вместе с ним, с довольным видом посмотрел на высокую стопку готовой продукции.

Хлопая по плечу Петровича, он сказал, переключив сигарету из одного угла рта в другой:

– Теперь за этим богатством придет человек оттуда, – и он показал пальцем вниз. – Надо только звонок сделать.

Он сразу же набрал номер на настенном телефоне и отчитался кому-то о проделанной работе. Потом снова набрал номер и сказал, что можно подъезжать.

Через час приехал, знакомый Петровичу, огромный кладовщик, и, пожав руки обоим слесарям, погрузил всё на ту же самую телегу, на которой Королев привез сюда металл.

Все это время Наумочкин так и не появлялся в поле зрения Петровича. И только под конец третьей смены он пришел в слесарку какой-то возбужденный, с дрожащими руками и бледным лицом. Он старался скрыть волнение, но актер из него был не важный, что сразу, вслух, отметил Королев, уставший за десять часов работы. Сейчас он не старался быть деликатным и чутким к своему «гиду».

– Чего случилось-то, С.С.? – устало спросил он Наумочкина.

Тот вытер лоб, который не был потным (и это тоже Петрович про себя отметил), вздохнул тяжело.

– Понимаете, в чём дело, уважаемый Григорий Петрович?

– Ну? – отозвался Петрович.

– Ваша работа нужна всем на этом... как бы сказать... предприятию. Мы ценим ваш труд, стараемся хоть как-то помочь вам материально...

– Увольняете, что ли? – ровным тоном спросил Королев, стараясь показать, что ему всё равно.

– Нет, нет, – заторопился Наумочкин, – вы не так меня поняли.

– А как я должен вас понять?

– Слушайте, не перебивайте. Ваша работа высоко оценена там, – он показал пальцем вверх. – Вы все, работники данного предприятия, видны начальству, как на ладони. Ваше поведение, в целом, удовлетворительно, и даже, скорее, положительно, в отличие от... – он покосился на Кулькова, который в это время стоял около инструментальных шкафов и искал напильник.

Королев удивленно посмотрел на Наумочкина.

– А что с ним не так?

– Не всё сразу, и, лучше, не здесь. Позже я встречу вас в столовой, и мы всё обсудим. Только, прошу вас, о нашем разговоре – молчок.

Королев кивнул, и Наумочкина, как ветром, сдуло.

Сразу после смены Королев пошел на ужин, надеясь там встретить Наумочкина, чтобы поскорее завершить разговор. Но тот в столовой так и не появился, что неприятно подействовало на Петровича: он понял, что С.С. хочет предложить ему какую-нибудь гадость, с которой справится только он.

Когда Королев появился в комнате отдыха, он увидел Наумочкина около своей тумбочки – тот что-то разглядывал на столешнице, хотя Петрович, кроме будильника и бутылки с водой ничего там не держал.

Он подошел к своей кровати.

– Ну, здравствуйте, – сказал он. Наумочкин слегка подпрыгнул от неожиданности.

– Ах, вот вы где, а я ищу, ищу...

– Что вы хотели? – спросил Королев, снимая ботинки, давая понять, что сейчас ляжет спать и пора закругляться с разговорами.

– Не торопитесь так, уважаемый Григорий Петрович. Дело у меня к вам не совсем обычное. Пять дней назад случилось кое-что странное, что требует вашего, так сказать, участия в разьяснении.

– Что там еще случилось?

– Да, не перебивайте же меня! – чуть не крикнул Наумочкин, но тут же осекся, боязливо оглянувшись, хотя рядом никого не было.

– Мне нужно знать, где вы были 14 – го декабря с десяти утра до четырех вечера?

Королев наморщил лоб, делая вид, что вспоминает, хотя тут и вспоминать было нечего: почти весь день он был на семикилометровой глубине, на складе. Так он и сказал об этом Наумочкину.

– Кто может это подтвердить? – холодно спросил тот.

– Кульков, – уверенно ответил Петрович, – а также майор Орешников, или Орешкин, не помню: мы с ним и ездили тогда на склад.

– Еще вопрос: кто пользовался пропусками в метро и лифт?

Королев молча уставился на Наумочкина: ему так хотелось сейчас врезать по золотым очкам грязным своим рабочим кулачищем, что аж в спине заныло от напряжения.

– Ясен пень – майор!

– Какой майор?

– Вы совсем оглохли? – заорал Королев, чем привлек внимание своих соседей, сосредоточенно разыгрывавших «Сицилианскую защиту». – Я же говорю: Орешкин! Майор! Он приходил к нам в мастерскую в десять утра! – разбушевался Королев после трудных рабочих дней, и теперь ему было всё равно, что подумают окружающие о его «примерном» поведении.

– Вы ручаетесь за свои слова? – спокойно спросил Наумочкин, ни сколько не испугавшись грозного вида Петровича.

– Ручаюсь! – крикнул Королев и бросил спечовку на пол с таким видом, будто сейчас он сделает тоже самое с С.С. и отпинает его ногами.

Наумочкин был невозмутим, будто не слышал ни единого грозного слова в свой адрес. Он спокойно смотрел холодными серыми глазами на взбунтовавшегося слесаря и готовился дать ответ. Наконец, он сказал:

– Никуда не уходите отсюда – за вами придут.

Он встал и ушел, не оглядываясь, оставив Королева в полнейшем недоумении. Тот сел на кровать, чувствуя, как одеревенели ноги. Он протянул руку за бутылкой с водой, сжал и так уже мятый пластик, и сделал три больших глотка, поперхнувшись при этом. Когда он откашлялся, некоторые смотрели на него с сожалением, будто сейчас перед ними сидел пропащий человек, которому оставалось лишь одно – пустить себе пулю в висок из наградного пистолета, которого у него отродясь не было.

Королеву стало не по себе от этих взглядов, и он встал, собираясь, было, выйти из комнаты. Дорогу ему преградил великан-бородач Люттэ, и громовым голосом сказал:

– Вас же предупредили, чтобы вы не уходили.

Королев не ожидал такого препятствия.

– Мне только в туалет, – жалобно сказал он.

– Туалет за вашей спиной, если вы забыли, – спокойно ответил Люттэ и своей огромной ручищей показал Петровичу, куда нужно идти.

Петрович вздохнул и пошел обратно к своей кровати. Люттэ продолжал стоять у двери, чтобы Королев не сбежал, и он постарался запомнить этот момент, на всякий случай.

Через двадцать минут два охранника в черной форме пришли за ним. Королев зачем-то про себя отметил, что их форма была не такой, как у тех, с автоматами, которые стояли

в коридоре. «Значит они из другого ведомства», – подумал он. А, собственно, какая теперь разница, если ему вменяется неизвестно что, и...

Он не успел додумать. Охранники подошли к Королеву, молча взяли его под руки выше локтя и вывели из комнаты.

Гулкие шаги раздавались в длинном коридоре – Королева вели на допрос. Шли они не долго – метров сто от комнаты отдыха. Остановились перед дверью, на которой было написано «Смотровая», и ниже: «Вход по предварительной записи». Королев никак не мог вспомнить этой надписи, а, ведь, он каждый день проходил мимо этого кабинета. Его втолкнули внутрь. Довольно маленькое помещение с парой столов и тремя стульями было хорошо освещено. На одном столе стоял огромный ноутбук – таких Петрович даже в рекламе не видел. За другим сидел человек с неприятным морщинистым лицом и в такой же, как у охранников, черной форме.

– Ну-с, господин Королев, добрый вечер, – тихо сказал он. – Для вас я буду господин Штукк. Не стесняйтесь, присаживайтесь, – при этом он указал на стул, стоявший тут же, около Петровича.

Королев сел. Еще несколько минут назад единственным его желанием было лечь на свою кровать и заснуть младенческим сном. Теперь же у него появилось совершенно другое желание – поскорее отсюда убраться, оставив господина Штукка со своими прихвостнями.

– Чего вам от меня надо? – усталым голосом спросил он, бросив взгляд на столешницу, покрытую стеклом. Блик от настольной лампы больно ударил по глазам. Королев отвернулся и стал смотреть в пол – серый, с разводами, линолеум гораздо больше привлекал его внимание, нежели глубокие морщины дознавателя.

– Ничего особенного мы от вас не потребуем, уверяю вас, – мягко сказал Штукк. – Прошу вас лишь об одном, а именно – повторить свой рассказ о том, как вы побывали на складе номер три?

Королев вздохнул:

– Я всё рассказал Наумочкину – он подтвердит.

Штукк внимательно посмотрел на Королева.

– Не волнуйтесь, он уже всё подтвердил. Теперь мне важно услышать это от вас: где и при каких обстоятельствах вы познакомились с майором Орешкиным?

Королев посмотрел тяжким взглядом на Штукка и нудным голосом стал давать отчет:

– Он пришел в мою мастерскую вместе с Кульковым...

– Стоп, – оборвал его Штукк, – вы сами видели, как Кульков привел офицера?

– Нет, когда я туда пришел, он уже был в мастерской. Кульков представил нас друг другу и сказал, чтобы я шел вместе с майором на склад за листовым металлом – у нас очень большой заказ, на который отводилось мало времени.

– Я вас не о заказе спрашиваю: не надо лишних подробностей – отвечайте четко на поставленные вопросы. Итак, майор уже был в вашей мастерской, когда вы туда пришли, так?

– Так.

– Что конкретно сказал вам Кульков по поводу вашей поездки на склад?

Королев напряг память:

– По-моему, он сказал, что материал нам привезти не смогут, и я должен сам туда поехать в сопровождении майора...

– Постойте, – перебил его дознаватель, – он именно сказал «в сопровождении»?

Королев пожал плечами.

– Ну, вроде бы так, или, вернее, он имел в виду именно сопровождение, потому что я не знаю дороги до этого склада, и поэтому, рассуждая логически...

– Так, остановитесь – не надо мне тут вашей логики. Я вас еще раз спрашиваю, было ли произнесено слово «сопровождение»?

– Кажется, нет, или да, не помню, – ответил Королев, – а какая разница?

Штукк встал из-за стола и сделал пару шагов к другому столу. Постояв там несколько секунд, он вернулся и снова сел на свое место.

– До меня дошли сведения, что Кульков, в то утро, не сказал вам ни слова. Получается, что вы сами ушли с офицером, покинув рабочее место.

Королеву надоели эти разговоры и он, заметно повысив голос, спросил:

– Да в чем дело-то? Я что, украл лишний лист со склада, или майор этот чего-то спёр?

Тут Штукк усмехнулся и прогнусавил какой-то блатной мотивчик:

«А не карманник я и не налетчик –

Я просто слесарь-водопроводчик».

– Простите, что вы хотите этим сказать? – не удержался Королев, видимо желая уточнить, не к нему ли относятся эти слова.

Штукк вяло махнул рукой, что было читаемо, как «отстать, милейший». Потом, не глядя на Королеву, он повертел на столе какую-то бумажку, и ответил:

– Дело в том, уважаемый Григорий Петрович, что никакого майора Орешкина на объекте нет, и никогда не было.

Королев откинулся на спинку стула, отчего тот жалобно затрещал.

– То есть, как это не было? А с кем я, по-вашему?.. Я с ним, как вот с вами сейчас, разговаривал, вернее, пытался – он молчун какой-то ненормальный...

– Ах, он еще и молчун, – перебил его Штукк и как-то горько усмехнулся. Потом он пристально посмотрел в глаза Королеву, будто проверяя, можно ли с ним говорить серьезно, и сказал, – Ну, ладно, не будем ходить вокруг, да около. Короче, на записях видеонаблюдения вы, на протяжении всего пути от мастерской до склада, были один.

– То есть! Не пойму вас!

– И не надо ничего понимать: аппаратуру не обманешь, она выдает честные данные, и данные эти таковы, что никого рядом с вами в тот день, с десяти утра до четырех вечера, не было.

Королев уставился на Штукка неверящим взглядом.

– Вы понимаете, что несете сейчас бред, а? Как я, по-вашему, прошел в метро, сел в лифт, прошел на склад, получил металл – и всё без пропуска? Может, вы еще скажете, что и Кулькова не видели?

– Может быть и скажу, но не сегодня. К тому же, в вашей слесарке никаких камер нет, так что, увы. Но, вот что интересно: как вам всё это удалось повернуть? – Штукк, с каким-то странным удовольствием, откинулся на спинку стула, но тот, очевидно, был новый, потому как не издал ни единого звука. – Так что же мы с вами будем делать, господин Королев?

– Проверьте меня на детекторе лжи, – с уверенностью ответил Петрович.

– Мы здесь такой ерундой не занимаемся, – отрезал Штукк.

– Ну, тогда покажите мне запись с видеокамер, чтобы я сам убедился, что был не прав. Хотя, какого черта я несу, и как я могу быть не прав?

– Элементарно, друг мой, – ответил Штукк, – вы захотели обманым путем проникнуть в святая святых острова и... А уж что вы хотели сделать дальше – этого даже я предположить не могу, – тут он на секунду замялся. – Но, вообще-то, запись показать можно – хуже уже не будет.

С этими словами он перешел к столу с огромным ноутбуком и, включив его, посмотрел на Королеву такими глазами, будто хотел его еще чем-нибудь «обрадовать». Королев невольно вобрал голову в плечи, предчувствуя, что ничем хорошим это не кончится. И вообще, сколько там дают за государственную измену, если он пойдет по этой статье?

Штукк повернул ноутбук экраном к Королеву и, наклонившись над столом, сделал несколько нажатий на клавиатуре. Потом с кряхтением разогнул спину и вернулся за свой стол. Во все время, пока Королев смотрел запись, Штукк, уставившись в потолок, раскачивался в

кресле, будто успокаивая себя перед ответственным событием, которое вот-вот произойдет – надо только подождать десять волнительных минут, пока подозреваемый окончательно убедится в том, что теперь ему «крышка».

В это время Королев напряженно всматривался в экран ноутбука и ожесточенно грыз ногти. Эту дурацкую привычку он оставил еще в школе, когда начали ныть передние зубы. А сейчас, спустя почти тридцать лет, она вдруг к нему вернулась, и он, шелкая зубами, отгрызал ноготь за ногтем. В лице Штукка Петрович выглядел полным психом, пойманным с поличным, жалким маленьким человечешкой, который с минуты на минуту окажется в карцере, а потом его переведут в тюрьму на материк. Но это будет уже вне компетенции Штукка, ведь, главное он уже сделал – поймал негодяя...

Петрович следил за своими перемещениями, не отрываясь от экрана. Вот двери слесарки – вид сверху и сбоку. Королев вошел в дверь. Таймер на записи четко зафиксировал время – 10:00. Ничего не происходило около пяти минут. В 10:06 Королев вышел из слесарки и один пошел по коридору, по направлению к метро. Петрович удивленно посмотрел на Штукка.

– Быть этого не может, – тихо прошептал он.

– Вы дальше смотрите, – отозвался дознаватель, не поворачиваясь к Королеву: в этот момент он увлеченно рассматривал фотографию какой-то женщины, сидевшей на скамейке городского парка. Фотография висела справа от Штукка, поэтому он с нескрываемым удовольствием отвернулся от Королева, полностью окунувшись в атмосферу парка, где, судя по тяжелым листьям, наклонявшим ветви деревьев, только что прошел дождь. Петрович увидел, как у Штукка появились складки под ушами – видно, что он ухмылялся, радуясь своей победе над ним, Королевым – простым беззащитным человеком.

Петрович перевел взгляд на экран. Камера в это время переключилась, показывая Королева, идущего издали, и иногда машущего руками, будто он с кем-то разговаривал. Как раз в этот момент Штукк повернулся к Петровичу.

– О чем вы говорили в то время, не припомните? – ехидно заметил дознаватель.

– Не помню, – ответил Королев. – Я вообще ни с кем не разговаривал в то время.

– Ах, да! – ударил себя по лбу Штукк, – майор-то у нас – молчун! Как я мог об этом забыть?

Дальше камера переключилась на вид около входа в метро. Королев видел, как он сам подошел к стеклянной двери, и, не дотрагиваясь до ручки, открыл её.

– Стоп! – крикнул Штукк, и, вскочив с кресла, подлетел к ноутбуку. Нажав паузу, он сказал:

– Видите, здесь вы лезете в карман и что-то хотите достать. Что тогда было у вас в кармане?

– Не помню, – ответил Королев.

– А что сейчас там лежит?

Петрович полез в карман своего рабочего халата и достал небольшую горсть разных предметов: пропуск от мастерской, конфету, захваченную в столовой, кусок стальной проволоки, и какую-то мятую бумажку.

– Больше ничего? – осведомился дознаватель.

– Нет, – ответил Петрович, и на всякий случай хлопнул себя по бокам.

– Ну, до этого времени, вы могли уже поменять содержимое своих карманов, так что, нет – не годится это тест.

– Какой тест?

– Проверочный, – вновь усмехнулся Штукк. – Мы могли бы провести обыск ваших личных вещей, и обязательно это сделаем, но, прежде, скажите: как скоро вы собирались бежать с острова?

Королев в удивлении поднял плечи.

– Я вообще никуда не собирался бежать.

Дознаватель молчал, позволив ему сделать маленькую передышку. Потом Петрович вскинул вдруг голову, глаза его блеснули странным огнем, и он быстро заговорил:

– Вы еще раз посмотрите на последние кадры.

– А что не так в последних кадрах? – развел руками Штукк.

– Нет, вы посмотрите, а я потом скажу.

Штукк со вздохом отмотал назад несколько секунд. Вот Королев идет по коридору – вид спереди. Камера в этот момент стоит над дверями метро. Вот Королев подходит к стеклянным дверям, и камера поворачивается вслед за ним: на ней установлены датчики движения. Как только он оказался около двери, тут же залез в карман и... дверь открылась.

– Обратите внимание, – сказал Королев, – какое расстояние от меня до двери.

Штукк прикинул и ответил:

– Сантиметров тридцать-сорок. И что?

– Видите, я вообще не касаюсь ручки двери?

– Ну, вижу. А еще я вижу, что в кармане у вас может быть устройство, которое дистанционно открывает дверь.

– Откуда же у меня такое устройство?

– Вот мы и выясним.

– Подождите. Отмотайте еще раз назад и приблизьте тот кусок, где я стою в метре от двери.

Штукк снова тяжело вздохнул и прокрутил назад.

– Ну и что я должен здесь увидеть?

Королев молчал. Вот он в метре от двери...

– Замедлите, пожалуйста, этот фрагмент.

Штукк нажал клавишу несколько раз – видео затормозилось и медленно поползло вперед. Королев, по-прежнему, стоял в сорока сантиметрах от двери. Вдруг около щели считывателя пропусков мелькнул какой-то предмет, напоминавший тряпку, которой смахнули пыль. Едва видимая «тряпка» коснулась щели считывателя и тут же пропала.

– Видели? Нет, вы видели? – вскричал Королев.

– И что тут такого – обыкновенный блик от стеклянной двери, – невозмутимо ответил Штукк.

– Какой же это блик? Почему-то до этого никаких бликов не было, а тут, когда я подхожу к дверям, он вдруг появляется. Как это можно объяснить?

Несколько мгновений Штукк стоял, молча глядя на экран ноутбука и задумчиво потирая красный подбородок. Королев понял, что тот находится в, неожиданном для него, тупике, и не знает, как продолжить разговор. Еще через секунду Королев услышал сухое «разберёмся», произнесенное так тихо, будто это был неведомый потусторонний шепот. В груди Петровича разлилось приятное тепло, как после чашки горячего чая. Теперь молчал он, давая возможность дознавателю в полной мере осознать свою оплошность из-за торопливости, или по причине долгожданного стремления поймать предателя, или из-за еще каких-нибудь желаний, о которых можно было лишь догадываться, но Петровичу было в этот момент решительно наплевать – лишь бы поскорее отсюда убраться, и лечь на свою любимую кровать, уснув сладким сном.

До Королева, в критические минуты, доходило, как до жирафа, и он прекрасно об этом знал. Вот и сейчас, ни с того, ни с сего, он спросил о том, о чем, в принципе, и не надо было спрашивать:

– А что сказал сам Кульков? Вы же тоже его допрашивали?

Штукк пожевал нижней губу. Потом медленно ответил:

– Никто его не допрашивал – исчез ваш Кульков.

– То есть, как исчез? – Корольев уставился на Штукку, и тот вдруг подавился собственной слюной. Когда он откашлялся, то сказал последнее, что должен был услышать Корольев:

– Вы сейчас идите к себе. Если будет нужно, мы вас вызовем. Вы свободны.

– Но, как же так: где Кульков-то? – не сдавался Петрович.

– Я же сказал вам: позже мы вас вызовем и доложим о результатах. Свободны, – прошипел Штукк, и кивнул охранникам, всё это время стоявшим в кабинете возле дверей. Они подошли к Королеву и взяли его под руки, как в прошлый раз.

– Отпустите, я понял, – сказал Петрович, освобождаясь от цепких рук охранников. Те его отпустили, но не отошли ни на шаг, давая, тем самым, понять, что могут повторить то, что сейчас сделали.

Петрович обошел их с правой стороны и вышел из кабинета, не закрыв за собою дверь.

Он шел по коридору до своей комнаты, как в тумане, не видя перед собой ничего, кроме белых глянцевых стен. С трудом передвигая ноги, Корольев все-таки дошел до комнаты отдыха, и тут же упал на свою кровать, не успев раздеться. Так он и уснул тяжелым неприятным сном.

Глава 11

Когда Корольев проснулся, в комнате отдыха никого уже не было. Поняв, что проспал первый раз в жизни, он тяжело открыл глаза и посмотрел в высокий серый потолок, одновременно прислушиваясь к тихому шелесту лопастей кондиционера, висевшего на шестиметровой высоте – прямо над его головой. Разноцветные ленточки, привязанные к защитной решетке, болтались от искусственно создаваемого ветра, словно здесь, в комнате, была открыта маленькая, никому не заметная форточка. «И если превратиться, допустим, в муравья, – лениво рассуждал Петрович, глядя полузакрытыми глазами на никелированную решетку огромного вентилятора, – то сейчас же можно вылезти на свободу. Тогда можно будет навек забыть и о Штукке, и о Кулькове, и об этом вездесущем Наумочкине», которого он прозвал про себя гауптштурмбанфюрером. «Но если он упадет на меня, – влезла, ни с того ни с сего, неудобная мысль, когда кондиционер вдруг зажужжал громче обычного, – этот чертов секретный объект лишится ценного слесаря. Отбежать я, конечно же, не успею, поэтому... поэтому... Ладно, хватит дурака валять – пора и за работу браться». Тяжко вздохнув, он встал, застелил кровать, плотнул воды из бутылки, и неспеша побрел в столовую, машинально здороваясь с теми, кто его, торопясь, обгонял или шел тяжелым шагом навстречу со смены.

Ежедневные повторяющиеся действия называются режимом. Тот, кто соблюдает режим – соблюдает дисциплину. Сегодня Корольев нарушил и то и другое. Вместо того, чтобы сразу идти в столовую, он остановился около того таинственного кабинета, в котором его вчера допрашивали. В ту же минуту какой-то сквозняк пролетел по коридору. Петрович невольно поежился и снова втянул голову в плечи, как вчера перед начальником охраны, будто, его вытолкнули из теплой комнаты на мороз. Обычно природа закладывает в живое существо чуточку страха, и то существо сторонится тех мест, где ему однажды было плохо и страшно. Но Королеву, судя по всему, этого охранительного чувства досталось гораздо меньше, чем остальным: сейчас ему, несмотря на возродившийся секундный страх, было интересно узнать, что же, в конце концов, с ним произошло тогда, 14 – го декабря, наивно думая, что кто-то будет разговаривать с предполагаемым подозреваемым.

Петрович для чего-то слегка нагнулся вперед и постучал в дверь таинственного кабинета. На его часах в этот момент было одиннадцать утра. Ему никто не открыл. Он забарабанил сильнее – результат тот же. «Наверное, сегодня у них не приемный день», – саркастически подумал Петрович и пошел в столовую – он не ел со вчерашнего вечера.

Как только он открыл двери столовки, тут же, при входе, столкнулся с Наумочкиным.

– Надо поговорить, – шепнул Наумочкин и потянул его за рукав в коридор.

– Раз надо – поговорим, – невозмутимо ответил Петрович, выходя вслед за «гидом».

– Слышал, вчера с вами произошло необыкновенное приключение? – спросил Наумочкин, с любопытством заглядывая в глаза Королеву. Петрович равнодушно ответил:

– Ну, вы же и так всё знаете, зачем тогда спрашивать?

Наумочкин в нерешительности помялся – не ожидал такого отпора. Да, теперь было видно, как Корольев изменился за прошедший месяц. Новичок стал почти своим на этом предприятии: чуть жестким, слегка упрямым, наполовину закаленным, после испытаний на себе «прелестей» мягкого допроса. С таким человеком можно попробовать иметь дело. Такое заключение читалось сейчас в глазах Наумочкина, но Корольев не обратил на это внимания: ему, по-прежнему, чертовски хотелось есть, а еще больше – спать, так как вид встревоженного Наумочкина начал утомлять.

– Чего вы хотите? – спросил Корольев, разворачиваясь в сторону входа, чтобы снова попытаться счастье попасть в столовую.

– Да ничего не хочу, – с улыбкой ответил Наумочкин. – Наверное, это вы хотели у меня что-то спросить, а я с удовольствием бы ответил на все вопросы.

– С чего вдруг такая щедрость? – спросил Корольев, щуря один глаз, будто туда попал сигаретный дым.

– А я всегда был к вам благодушно настроен, разве это было не заметно? Вы мне нравитесь, Григорий Петрович. Вы – честный, открытый, простой человек, который не будет врать, не будет таить камня за пазухой, чтобы в критический момент ударить ближнего по башке. Таких людей нынче редко встретишь, тем более здесь, но это тема для другого разговора.

– Так что же вы от меня хотите? – вновь спросил Корольев.

– Понимания, Григорий Петрович. Обычного человеческого понимания того, что другие не хотят вам плохого, а, совсем даже, наоборот. Вот, например, скажите честно, вас вчера спрашивали об офицере, с которым вы отправились на склад?

– Да, спрашивали, – ответил Корольев, замедлив шаг к ближайшему столику, за которым пока было пусто.

– Что конкретно они вам сказали?

Корольев почесал не бритый подбородок и отодвинул от столика ближайший стул.

– А вы уверены, что мне можно об этом рассказывать?

– Не волнуйтесь, Григорий Петрович, они сами просили меня с вами поговорить, – Наумочкин улыбнулся, что было совершенно некстати.

Корольев вырвал, наконец, свой рукав из цепких пальцев Наумочкина и с раздражением выпалил:

– Да пошли вы к черту со своими просьбами: им надо – пусть меня и вызывают – вам я ничего говорить не буду.

– Григорий Петрович, давайте не будем ссориться? Я хочу вам помочь. Хочу, чтобы вы в дружеской спокойной обстановке всё мне рассказали. Бывает так, что при душевном разговоре, всплывают такие детали, которые очень потом помогают в расследованиях подобного рода.

– А вы уверены, что мы друзья? – зло спросил Корольев.

Наумочкин развел руками и покачал головой.

– А как же, конечно мы – друзья, только вы еще этого не осознали. Только представьте, что мы, находясь на трехкилометровой глубине, каждый день делаем свое дело, каждый день сталкиваемся друг с другом, жмем руки, разговариваем... По-моему, налицо все признаки настоящей дружбы.

Корольев иронично посмотрел на него.

– Вы уверены, что не пропустили ни одного признака, а то, знаете ли, я когда-то в детстве читал про взаимовыручку, например, или...

Наумочкин положил ему руку на плечо.

– Ну и конечно же, я всегда помогу вам в трудную минуту точно так же, как и вы поможете мне, не так ли?

Королев стряхнул руку Наумочкина со своего плеча, и, немного помолчав, задумчиво на него посмотрел, как бы взвешивая только что произнесенные им слова на своих весах правды и лжи. Он неуверенно кивнул.

– Да, в чем-то вы, может быть, и правы, только я думаю, что наш разговор мало что изменит.

– Григорий Петрович, – улыбнулся Наумочкин, – не волнуйтесь по пустякам. Ответьте мне лишь на один вопрос: что они спрашивали об офицере?

Королев на секунду задумался, вспоминая, что никаких документов о неразглашении он в том кабинете не подписывал, и никаких обещаний с него не брали, а посему можно и рассказать.

– Они сказали, что того офицера не было, и что я всё вру – это в общих чертах.

– А поконкретнее.

– А конкретнее я им сказал, чтобы они внимательнее посмотрели записи с камер наблюдения – там что-то мелькнуло, как раз тогда, когда я входил в метро.

– И что это было? – Наумочкин весь подался вперед.

– Я-то откуда знаю. Они вообще сказали, что это блик, и что они сами потом разберутся. Короче, с тем меня и отпустили.

Наумочкин посмотрел на пустой стол, прокручивая в голове только что услышанное.

– А про Кулькова что-нибудь спрашивали?

– Нет, спросил только я: допрашивали они его или нет. Они сказали, что Кульков куда-то пропал, вот и всё.

– Странно, – задумчиво произнес Наумочкин. – Действительно, куда он мог пропасть, если везде стоят камеры наблюдения и... и вообще...

– Что – вообще? – спросил Петрович.

– Всё это странно, – ответил Наумочкин. – Я вот тут подумал: если офицера никто не видел, а Кульков пропал, то, может быть, в этом, как раз, сам Кульков и замешан?

– Вы так серьезно думаете? – с робкой надеждой в голосе спросил Королев.

– А почему бы этого и не предположить? – спросил Наумочкин с ребячьим озорством, словно для него это была лишь интересная игра, а не серьезное правонарушение на секретном предприятии. – Давайте подумаем вот о чем. Предположим, Кульков затеял какую-то аферу со складом, а вы, как раз, ему игодились для этого случая.

– Получается, что это был Кульков? – спросил, ошарашенный новостью, Королев.

– Да нет же! – нервно махнул рукой Наумочкин. – Мы сейчас только предполагаем, выстраиваем свою версию, так сказать. Так вот, если Кульков затеял аферу, тогда он должен был понимать, что за ним будут следить, поэтому...

Наумочкин пожевал сухие губы.

– Ну да, – продолжил он через секунду, – всё на нем и сходится. Во-первых, он бесследно исчез – даже камеры нигде его не фиксируют. Я подозреваю, что он до сих пор прячется внизу, на том большом складе.

Королев, не перебивая Наумочкина, решил выслушать до конца своего «гида», тем более, что с заказом он вчера закончил, а новых пока не поступало, поэтому в слесарку можно и не торопиться.

– Во-вторых, – продолжал Наумочкин, – в последние дни поступают противоречивые данные о его личности: по одним документам он, например, служил в армии, по другим – нет. Где-то написано, что он имеет высшее техническое образование, а в другом месте стоит пометка о восьми классах. Насчет семьи тоже не всё ясно: то ли холост, то ли вдовец, да еще и с детьми. В общем – темная лошадь этот ваш Кульков.

– Не наш, а ваш, – буркнул Королев, но Наумочкин, будто его не услышал.

– Зачем ему вообще нужно было проникать на тот склад, и как он это сделал? – спросил Петрович.

– Никто пока не знает зачем, но вот КАК – это уже интересно, – задумчиво ответил Наумочкин. – Подозреваю, что он воспользовался подобием технологии стелс, как на самолетах-невидимках.

Королев насмешливо посмотрел на «гида» и добавил свою ложку дёгтя:

– Насколько я знаю, технология стелс применяется только для самолетов и кораблей.

Наумочкин сморщился: ему вдруг стал неприятен этот выпад, тем более, что он и так, рискуя положением, выложил неблагодарному Королеву половину государственных тайн. При «удачном» их обнародовании, ему лично и начальству, которое санкционировало, такого рода открытость вновь прибывавшим сотрудникам, грозит от двадцати – до пожизненного.

Не обращая внимания на реакцию Наумочкина, Петрович продолжил:

– Так можно ли подобную технологию использовать для человеческого костюма, или это из области фантастики?

Наумочкин глянул на него исподлобья:

– В наших лабораториях можно всё. Я вам больше скажу: технологии стелс, на данном предприятии, давно считаются устаревшими. Сейчас мы создаем объекты, не видимые при оптическом наблюдении, не то что при радиолокационном. Наши технологии были добыты из древних шумерских и египетских книг, что, естественно, тоже относится к гостайне. Мы здесь работаем на стыке официальной науки и магии. Надо сказать, что магия, в конечном счете, тоже является наукой, только подход к познанию мира у нее другой. С наукой она схожа лишь в наличии необходимых атрибутов серьезного исследования: накопление информации, расчеты, опыты, секретность... Я, конечно, сильно всё упрощаю, но так оно и есть – магия здесь приравнивается к науке, и, следовательно, у нее есть свои ученые.

– Но, позвольте, – усмехнулся Королев, – почти все найденные книги, таблички, надписи на камнях давно изучены историками и лингвистами, и я что-то не припомню, чтобы кто-то говорил о применении описанных ритуалов в современной жизни, тем более, на секретном предприятии.

Наумочкин понимающе кивнул.

– Да, это распространенная «правильная» точка зрения. Только есть один нюанс – не все книги, сгоревшие, например, в основном фонде Александрийской библиотеки в третьем веке нашей эры, были уничтожены. По крайней мере, те папирусные книги-свитки, что уцелели, никогда не будут обнародованы. Необходимые любому государству супертехнологии, в большей своей части, получили подробнейшее описание именно в тех уцелевших книгах. Скажу вам вот что: в этом мире существует всё то, о чём написано в любой сказке – от ковра-самолета, до пресловутого договора с дьяволом. В общем, вы попали в уникальное место, однако, и условия вашего дальнейшего существования предполагают некоторую, я бы сказал, уникальность. Во-первых, вы будете невыездным пожизненно...

– То есть, как? – перебил его Петрович. – Я не смогу выехать из России в Турцию или Египет, хоть они мне и даром не нужны?

– Нет, – мотнул головой Наумочкин, – Турция с Египтом здесь ни при чём – вам нельзя выезжать с этого архипелага, только и всего. И потом, по большому счету, вы никому не нужны, и вам никто не нужен. Точно такое же положение у всех, находящихся здесь.

Королев гордо вскинул голову:

– Нет, я очень даже нужен: меня ждет жена и теща!

– Ой, только давайте без истерик. Меня в Москве, например, уже не ждут ни жена, ни двое детей. Я подписал пожизненный контракт с данным предприятием, в обмен на то, что ежемесячно буду высылать своей семье полмиллиона рублей, по нынешнему курсу. И они рады, и

я рад – все остаются при своем: они при деньгах, а я при работе. Любимой работе, – добавил он и, едва заметно, усмехнулся. – Вы, кстати, тоже подписали аналогичный контракт, еще там, в Москве, только вам не дали этого знать.

– Но я же прекрасно помню, что именно подписывал, – возмутился, было, Петрович.

Наумочкин вздохнул:

– Чтобы было понятнее, вы подписали документы в состоянии полусна, когда, например, угощались минералкой или чаем – таковы принятые здесь методы, если хочешь большую пожизненную зарплату.

– И крутой карьерный рост, – задумчиво произнес Петрович.

– Вот именно, – Наумочкин сочувственно улыбнулся.

Прошла минута, прежде чем Королев стал привыкать к мысли о полной своей ненужности тем, к кому он, в глубине души, стремился уехать в скором времени, хотя бы на время отпуска, если таковые существуют на этом предприятии. Теперь же он случайно узнал, что отпуск – всего лишь мечта.

– И, всё-таки, я не могу поверить, что моей семье нужны лишь деньги, а не я сам, – вновь подал голос Петрович.

Наумочкин явно устал от этого разговора и, скорее всего, уже жалел о поднятой теме своеобразного отшельничества местных сотрудников.

– Пройдет год-два и вы поверите во всё, что я говорю, и также привыкнете к такому положению вещей, и вас не будет тревожить мысль, как они там без вас обходятся. Поверьте, очень даже хорошо живут!

Королев смотрел в пол, а Наумочкин – на часы.

– У меня еще один вопрос. Как же так получается, что я видел двоих сразу – и Кулькова, и того офицера, если всё сделал один лишь Кульков?

Наумочкин пожал плечами.

– Может, гипноз, а может – галлюциноген: приснул заранее из баллончика – и готово. Сам же, перед этим, надел противогаз.

– Но противогаза я не видел! – сказал Королев, чувствуя, что рассыпается такая хорошая версия.

– Ну, может, он принял таблетки против именно этого галлюциногена – методов, в общем-то, хватает.

Невозмутимый тон Наумочкина несколько успокоил Королева, и он понимающе закивал.

– Ничего нет невозможного, – вновь сказал Наумочкин. – Я уже говорил, что здесь немислимые технологии, похожие на магию. Но если разложить всё по полочкам, получится чистая наука.

– Вы в этом уверены? – спросил Королев, всё еще не веря, что всему можно найти объяснение.

– Абсолютно, товарищ. Но, впрочем, хватит о грустном, пора бы и работой заняться, – тут он встал из-за стола, и быстро пошел прочь от Королева.

– А как же завтрак? – крикнул Королев убежавшему Наумочкину. Тот только махнул рукой, не оборачиваясь, и скрылся с глаз.

У Петровича вдруг напрочь пропал аппетит. Он встал, грустно посмотрел на раздаточный стол, около которого собралась внушительная очередь, и пошел на выход.

Не успел он сделать и двух шагов по направлению к слесарке, как его вновь окликнул Наумочкин. Подбежав к Королеву, тот запыхавшимся голосом сказал:

– Не удивляйтесь, если скоро вас опять вызовут на допрос: я буду вынужден передать наш разговор Штукку, чтобы прекратить расследование в отношении вас.

– Спасибо, – ответил Королев и вновь проводил взглядом удаляющуюся спину Наумочкина.

Глава 12

Придя в мастерскую, Королев ощутил такое сильное одиночество, что не помог даже кот, подошедший к его ногам. Он потерял о новые ботинки Петровича, пахнущие натуральной кожей, потом зевнул, и, глядя в глаза своему хозяину, несмело промяукал.

– Ну, что, опять идти тебе за едой?

Кто бы знал, как ему не хотелось снова возвращаться в столовку и набирать колбасы для вечно голодного кота без имени. Петрович посмотрел на свои токарные станки, тускло поблескивавшие холодным железом в свете такого же холодного неона. Он почувствовал, что еды ему сегодня явно не хватает: неожиданно желудок тихо булькнул и пробудил остальные органы пищеварения, заигравшие какую-то свою «голодную» мелодию, которая, очевидно, должна была пробудить совесть, чтобы та заставила человека вновь сделать первый шаг к далекому раздаточному столу. Петрович снова посмотрел на кота: тот опустил голову, облизывая переднюю лапу, готовясь умыться.

– Только гостей мне и не хватало, – произнес Королев, чувствуя, что сейчас они к нему и нагрянут. Он не хотел ни с кем встречаться и решил, что, пока будет бежать в столовку, либо, если она будет закрыта – к себе, в комнату отдыха за остатками колбасы, непрошенные «гости», тем временем, потопчутся около слесарки, а потом уйдут по своим делам. Доверившись этой мысли, Королев, побыв в мастерской, для порядка, еще три минуты, сорвался с места и побежал за колбасой. По пути ему в коридоре попала странная группа, одетая в желтые защитные костюмы с поликарбонатными шлемами, предназначенными для работы с микроорганизмами и вирусами. Королев обратил внимание, что сбоку костюмов болтаются белые гофрированные шланги для принудительной подачи воздуха. Люди из этой группы держали в руках тонкие брандспойты для распыскивания жидкостей. Королев видел, как из металлических «носов» выбрасываются мельчайшие брызги, образуя вокруг себя нечто вроде вязкого тумана, похожего на дым. Те, кто сейчас находился в коридоре, спокойно проходили сквозь облако «жидкого» тумана, и, как ни в чем ни бывало, шли дальше. Охранники, стоявшие вдоль стен, также спокойно воспринимали прохождение загадочной группы мимо них. Когда они дошли до Королева, тот инстинктивно пригнулся, что вызвало улыбки на лицах мимо идущих соседей по комнате отдыха. Один из них похлопал Петровича по плечу и сказал:

– Не надо так бояться – это запланированная процедура, которая делается раз в месяц.

Королев устремил удивленный взгляд на соседа, маленького бородастого крепыша, вечно чихающего, когда просыпается по утрам, и кивнул, правда, не поняв важности упомянутой процедуры.

– А зачем она... – начал, было, он спрашивать, но сосед быстро пошел дальше на своих коротеньких ножках и вскоре скрылся в толпе. Многие улыбались, проходя сквозь импровизированный туман, что напомнило Королеву документальные фильмы про сектантов, где они без причины скалились на своих собраниях. Теперь он испытал похожие ощущения, и ему совсем не хотелось улыбаться, когда туман окутал его, и он закашлялся от паров с запахом концентрированной хвои.

Как и ожидалось, двери столовой были заперты: на часах было двенадцать. Обед должен был начаться в два часа, так что Петровичу пришлось идти до своей комнаты.

Открыв двери, он уже оттуда увидел на своей тумбочке два кислородных коктейля. Не желая никого отвлекать вопросами, Петрович предположил, что столовая потихоньку начала перемещаться в их комнату, и коктейли – это первая ласточка. Выпив сразу два стакана, Королев вдруг подумал, что кислород может быть выведет часть паров, попавших в его лёгкие.

В комнате, кроме Королева, было еще человек шесть, и все были заняты своими делами: кто-то, как обычно, играл в шахматы, кто-то читал. Странно, что днем никто из этих шестерых не пошел на работу. Только потом Петрович сообразил, что эти люди были из ночной смены,

и сейчас они просто испытывают приступ короткой бессонницы. За каким-нибудь простым занятием, организм расслабится и сам подскажет своему хозяину, что пора на боковую.

Королев открыл тумбочку и достал подсохшие куски вчерашней колбасы, надеясь, что они понравятся коту. Как только он захлопнул дверцу, над головой вдруг прозвучало:

– И снова, здравствуйте!

Он оглянулся – перед ним стоял Наумочкин.

– Как дела? – спросил тот, совсем некстати улыбаясь.

– Какие у меня дела? Вот, пришел еды для кота взять.

– А сами позавтракать не хотите?

Эта фраза звучала так по-дурацки, тем более, что оба, побывав в столовой час назад, ушли не солоно хлебавши из-за рассуждений о ходе расследования.

– Хочу, но никак не успеваю, – ответил Петрович.

– Ну, так, пойдёмте же скорее, а то всё вкусное съедят, – Наумочкин снова некстати улыбнулся.

Петрович шагнул, было, по направлению к двери, как неожиданно что-то вспомнил:

– Так ведь, столовка была закрыта, когда я проходил мимо нее.

Наумочкин усмехнулся:

– Уже все открыли – специально для нас.

Его шутка не вызвала ответной реакции Петровича, но он решил не подавать вида.

Когда они вышли в коридор, Королев, вспомнил об утреннем «душе», и спросил:

– Вы не видели странных людей в защитных костюмах?

– С распыривателями? Как же, конечно, видел. Можно сказать, сегодня солнечный день в наших серых трудовых буднях.

– Не понял, как это? – удивился Королев.

– Очень просто, – с улыбкой ответил Наумочкин. – Эта процедура приносит всем пользу, о чем вы скоро догадаетесь. Не буду ничего рассказывать – пусть для вас будет сюрпризом то новое знание, которое скоро откроется.

Королеву совсем не понравился такой разговор, особенно по поводу «знаний». «Точно, секта», – со злостью подумал он и, не говоря ни слова, ускорил шаг.

– Подождите, Григорий Петрович! – крикнул ему вслед Наумочкин.

Догнав Королева, он сказал, что Штукк благополучно разрешил его дело: на записи с видеокamer действительно был второй человек, только он частично невидим, как и предполагал Наумочкин. И что это был именно Кульков, загадочно пропавший где-то на нижних уровнях, но не покинувший предприятия, так же подтверждается некоторыми данными.

– А почему вы думаете, что он всё еще здесь? – жестко спросил Королев, который продолжал не доверять Наумочкину.

Тот закивал и сказал, что точно знает о присутствии Кулькова на объекте, потому что его пропуск сработал несколько раз именно на глубине семи километров под уровнем моря.

– А если тот пропуск заблокировать, чтобы Кульков не шастал туда-сюда? И вообще, почему ему везде есть допуск? – справедливо возмутился Петрович.

– Давайте по порядку. Мы его не блокируем, потому что не хотим потерять. Например, я знаю, что сейчас он где-то в районе лифтов: ну и пусть себе гуляет – нам же спокойнее. И потом, почему вы решили, что у него есть допуск во все кабинеты? Это совсем не так – его передвижения всё равно ограничены, так что, беспокоиться не о чем.

Тут Наумочкин нахмурился:

– Вот, только увидеть его никак не могут – украденный им костюм, по-прежнему, находится в активном состоянии. Однако, и здесь нам бояться нечего: рано или поздно, слабые дозы радиации убьют его, ведь этот костюм работает не на простых батарейках, – тут он злорадно улыбнулся, и Королева передернуло так, будто его шибануло током.

– Спокойно, Григорий Петрович, врагов жалеть не надо: он на то и враг, чтоб его ненавидеть, а не прощать – это мое личное мнение.

Помолчав мгновение, Наумочкин снова заговорил:

– Уверю вас – мы хорошие ребята, – при этих словах он как-то грустно улыбнулся, но тут же, сделав серьезное лицо, добавил, – однако и хорошим ребятам иногда мешают плохие парни. Вы, ведь, в курсе, что на нашу базу постоянно охотятся террористы всех мастей, спонсируемые заинтересованными частными лицами?

– Нет, я ничего об этом не слышал, – отозвался Королев.

– Ну и правильно, – сказал Наумочкин задумчиво. – Значит, всё правильно. Знаете, большинство государств, заинтересованных в мирной политике, ни за что к нам не полезут. Наоборот, они нам оказывают всяческую помощь. А те, кто нам мешает, будут убраны с дороги, выполоты, как сорняки. И вы, дорогой Григорий Петрович, сами того не замечая, уже вносите в это дело свой неоценимый вклад. Но, повторюсь, всё находится в рамках глубочайшей секретности.

Королев решил, что теперь можно спросить о том, что мучило его всё время, пока он находился на объекте.

– Ответьте откровенно, в чем заключается наша деятельность?

– А в чем, собственно, дело? Что за обостренное чувство недоверия к нашей работе? – шутильвым тоном спросил Наумочкин.

Королев продолжал упрямо смотреть в его глаза, ожидая ответа. Наумочкин молчал, будто проверяя, насколько Королеву хватит терпения.

– Мне не нравятся секреты, – процедил сквозь зубы Королев, – я их с детства ненавижу. Они всегда вызывали у меня подозрения, пусть даже и были самыми невинными. Я всегда знал, что всякий секрет таит в себе гадость, способную навредить человеку.

– Что вы имеете в виду? – устало спросил Наумочкин.

Королев открыл, было, рот для дальнейших объяснений, но тут Наумочкин, видимо что-то для себя поняв, улыбнулся, и похлопал Петровича по плечу.

– Не о чем беспокоиться, друг мой. Вы, вероятно, слышали, что бывали в нашей истории случаи полного выздоровления?

Королев пожал плечами:

– Да так, краем уха. По-моему, что-то в фантастических романах проскальзывало, или в житиях святых, если я ничего не путаю, – ответил он.

Наумочкин понимающе улыбнулся.

– Ценю вашу иронию, но, дело в том, что на нашей базе есть суперсовременная лаборатория, где разрабатывается универсальная вакцина, способная бороться со всеми болезнями сразу. Пока еще не все задачи решены в этой области, но мы – оптимисты. Полгода назад, например, вакцина действовала всего лишь в течение тридцати пяти дней, а потом ее свойства сходили на нет, и болезни возвращались. Задача наших лабораторий – добиться устойчивого результата. И вот, на днях, мы решили эту проблему – испытания новой вакцины прошли успешно, – тут Наумочкин снова улыбнулся, – поэтому у нас и отобрали столовую: теперь там будет фармацевтический отдел.

– Да, я уже об этом слышал, – сказал Королев, – ребята даже прозвали столовку «аптекой».

– Ну, вот видите – вы даже больше моего знаете в этой области. Осталась еще одна задача – изготовление большой партии новой вакцины и отправка ее на все материки.

Королев удивленно посмотрел на Наумочкина:

– Но вы же говорили, что система отправления грузов давно налажена...

– Всё так, уважаемый Григорий Петрович, но последние события с Кульковым могут надолго задержать отправку: мы опасаемся, что он, всё же, способен проникнуть на какое-нибудь судно и устроить диверсию.

– Вы же мне сказали, что он у вас под контролем.

– Да, это так. Но появилось одно «окошко», через которое он может легко проскочить и попасть в подводный порт.

– Что за окошко?

– Понятия не имею – это головная боль службы безопасности. В конце концов, всё решено, и, как я уже говорил, у нас необычный объект.

Наумочкин замолчал, уставившись в пол.

– Я тоже надеюсь, что его скоро поймают, – сказал Королев.

– Да, мы полагали, что это будет сделано в кратчайшие сроки, но, как говорится, человек предполагает... Так вот, мы прервались. Что я еще хочу сказать по поводу новой вакцины. Наши микробиологи работают в одной связке с генетиками. Возникновение любой болезни связано с одним человеческим геном. Наша вакцина воздействует на этот ген, который из-за своего «любопытства» (этот термин придумал не я) постоянно «влипает» в разные истории...

– А разве есть такой ген? – удивился Королев.

– К сожалению, да – пока еще есть, – ответил Наумочкин.

– Почему же к сожалению?

– Потому что, это единственная недоработка природы, которую и устраняют наши ученые. Гены, проявляющие, так называемое, «любопытство», возбуждают в организме рецепторы, отвечающие за проявление человеком активности там, где не надо. Так называемая, храбрость, когда, например, вопреки здравому смыслу человек лезет туда, куда его не просят, представляет собой обыкновенную «поломку» в организме, которую надо исправить.

Королев боязливо посмотрел на Наумочкина. Та уверенность, с которой он говорил о несовершенстве природы, настолько была несовместима с понятиями Королева о моральных ценностях, что у него в один момент пропало желание о чем-либо говорить с этим страшным человеком. Но Наумочкин и не думал останавливаться на пути дальнейшего разрушения устоявшихся воззрений Королева, относительно тех добродетелей, которые возвращаются в человеке с детства.

В это время они дошли до столовой. Народу было полно, но Наумочкин, спокойно пройдя без очереди, взял с раздаточного стола бутерброд с зеленью, и большой стакан апельсинового сока. Королев же, посмотрев на аппетитные салаты из креветок с кукурузой, протянул руки, и легко подхватил пластиковую миску и стакан яблочного сока.

– Скажем так, – продолжал Наумочкин свое объяснение, сделав большой глоток сока, – интуиция – это полный антипод храбрости, и она, в данном случае, наш защитник. Прислушиваясь к интуиции, то есть, к, знакомому любому человеку, внутреннему голосу, мы обходим проблему стороной, даже еще не осознав, что это проблема, и что она уже на пороге. В то же время, «храбрый» человек, который постоянно игнорирует внутренние сигналы о возможной опасности, плюёт на предупреждения, и, почти со стопроцентной вероятностью, попадает в неприятность. Задача наших ученых состоит в том, чтобы усилить интуицию путем ослабления этой псевдохрабрости. Ну, это я так, на пальцах, пытаюсь вам объяснить суть новых решений. Знаю, звучит не очень, но именно так и обстоят дела сегодняшние. Еще вопросы есть?

Королев сидел, вылупив глаза на «гида», не смея поверить в только что услышанное.

– А как же мужество? – спросил Петрович через несколько мгновений, которых хватило для того, чтобы Наумочкин успел поставить стакан на стол и сделать первый шаг в направлении выхода. Тот театрально вздохнул, и, не останавливаясь, бросил через плечо:

– Атавизм!

– С которым вы тоже боретесь? – крикнул удалявшемуся Наумочкину, вдруг запыхавшийся от волнения, Королев.

– Вся жизнь – борьба, товарищ! – крикнул тот в ответ и скрылся в коридоре.

Королев подумал, что это был бредовый сон, и надо срочно сделать что-нибудь полезное, например, вернуться и накормить уже кота. Выждав несколько минут, пока Наумочкин далеко уйдет, он вышел из столовой и побежал в слесарку.

Голодный кот, казалось, обрадовался его приходу, что, впрочем, не обрадовало Королева: на его станке было оставлено письмо без надписей на конверте. Он посмотрел на кота, с упованием лопавшего остатки колбасы, и вскрыл конверт. Там было написано следующее: «Господин Королев, табельный номер 3424. Ваше дело №765 было рассмотрено в порядке очереди. Сообщаем вам, что с результатами расследования вы можете ознакомиться в любое, удобное для вас время, в кабинете № 89. Все вопросы и пожелания можете отправлять в электронном виде по адресу». Дальше был написан внутренний электронный адрес. Королев скомкал письмо и бросил его в поддон под станком, где давно валялись окаменевшие окурки, когда-то оставленные Кульковым. «Самое смешное, что он за ними не придет», – промелькнула в голове озорная мысль и тут же забылась.

Сегодня он решил ничего больше не делать. Накопившаяся за день странная усталость, не давала ему сосредоточиться хоть на каком-нибудь деле. Можно было, хотя бы, резцы поточить или сломанные сверла подправить, но ему жутко захотелось лечь в кровать и уснуть на много часов. Он так и сделал: недолго думая, развернулся и пошел к себе, не встретив по пути ни одного человека, кроме охранников.

Глава 13

Ночь прошла мгновенно. Петрович помнил, что, как только его голова коснулась подушки, так тут же прозвенел будильник, резанувший по барабанным перепонкам холодным лезвием утренней бодрости. Проснувшись и еле разлепив глаза, Королев почувствовал, будто в них сыпанули песком, да еще и потеряли кулаками. Сейчас под тяжелыми горячими веками лежала крупнозернистая наждачная бумага, трущаяся о роговицу. Такой боли он не испытывал никогда в жизни. Слезы лились градом. Королев боялся встать с кровати, потому что его тут же собьют с ног и затопчут. Он не двигался с места, чтобы не потерять того ощущения, что он все еще находится под своим одеялом, на пружинящем теплом матрасе, а не ушел в дальнее плавание в пространство безграничной комнаты, ну а тем более, в закоулки бесконечного коридора. Сердце билось, как бешенное. Кровь стучала в висках гулками молотками, причиняя боль и ломоту в черепе. Дыхание участилось. Он потянулся холодеющими пальцами к вырезу своей майки, которая никак не могла давить ему на горло, но он все равно оттянул ее как можно дальше, чтобы освободить грудную клетку от минимального давления хлопчатобумажной ткани. В голове была мусть и странная зелень, будто его топят в болоте...

Однако, паника прошла также быстро, как и наступила. Как только он проморгался, что далось с большим трудом, тут же стало во сто крат легче. Он вздохнул с облегчением, когда смог, наконец, открыть глаза и посмотреть на окружающие предметы. Первое, что он увидел, была его родная тумбочка. Вот только выглядела она как-то странно: размытое поблескивающее пятно, не имеющее ни высоты, ни ширины. Надев на нос очки, Петрович с неудовольствием обнаружил, что перед глазами всё вдруг поплыло, будто со всех сторон натянули толстую пленку, через которую невозможно было ничего увидеть, кроме медленно движущихся теней. Он понял, что очки стали чересчур сильными, и надо бы их поменять. «Не плохо бы и глаза сменить заодно», – подумал в сердцах Королев, и тут же обратился к соседу по комнате:

– Вы не скажете: у меня глаза красные, или какие они вообще?

– Нормальные у вас глаза – розоватые. А в чем дело?

Петрович не знал, как бы ему поточнее обрисовать свою проблему, но в следующую секунду сообразил, что нужно говорить только правду, чтобы посторонний человек сразу понял суть этой проблемы и дал правильный совет.

– У меня глаза только что так сильно резало, будто там был песок, камни, опилки какие-то. А сейчас, надел вот очки, и всё плывет, как в тумане. Короче, не знаю, что делать.

– Успокойтесь, товарищ, с вами все в порядке. Резь в глазах должна скоро пройти...

– Уже прошла, – перебил его Петрович.

– Ну вот видите, – улыбнулся сосед, хотя Королев не видел ни его самого, ни его очаровательной, а, может быть, издевательской омерзительной, улыбки: не бывает так, чтоб сразу стало хорошо – страдания надо терпеть дни или годы, чтобы наконец-то получить покой и радость...

– Вы меня слышите, уважаемый? – сосед тряс Петровича за плечо и зачем-то дул ему в ухо.

Королев инстинктивно отодвинулся подальше от странного соседа, который, опять же с улыбкой, добавил еще более необычную фразу:

– Очки вам больше не понадобятся. Снимите их и посмотрите на мир другими глазами.

– Как это не понадобятся?

– Обыкновенно. Более того, здесь, на острове, нет отдела по продаже оптики, и это не должно вас пугать. А в-третьих, вам, уважаемый Григорий Петрович, пора бы уже привыкнуть к тому, что изо дня в день талдычит вам ваш куратор: это необычное место с необычными же технологиями.

– А вы откуда знаете, о чем мы говорим с Наумочкиным? – удивленно воззрился он слепыми очами на соседа.

– Мы все через это прошли, так что – просто расслабьтесь и ничему здесь не удивляйтесь, чтобы не терять времени даром. Лучше доверьтесь внутреннему потоку энергии, который несет вас к светлomu завтра...

Королев слушал и не верил: какой поток, какая энергия, какое, к чертям собачьим, доверие, когда он ничего не видит?

Сосед еще что-то говорил, но кроме словесного шума, Петрович ничего не слышал. Он вновь бесцеремонно его перебил:

– Я только одного не понимаю, как мне теперь обходиться без очков?

– Сами всё увидите, – ответил сосед, и улыбнулся своему удачному каламбуру.

Королев был в легком смятении, но словам соседа пришлось поверить, когда он снял очки и, вроде бы, увидел свою тумбочку в том самом, «нормальном» состоянии, в каком она была до его ночного сна. Как ни странно, Петрович тут же забыл об очках. Он не вспоминал о них ровно до того момента, пока в конце смены до него не дошло, что он действительно в них не нуждается, и что ему прекрасно видны любые предметы на любом расстоянии. Однако, он не стал больше ни с кем делиться этой приятной новостью, чтобы не сглазить, и чтобы не слушать всякую чушь о внутренней энергии, которая распространяет вокруг себя волны радости и счастья.

Когда вечером того же дня он окинул взглядом комнату, в которой жил почти месяц, то заметил, что на многих прикроватных тумбочках лежат очки разных форм и цветов. Тут были и квадратные очки в роговой оправе с толстыми пузатыми стеклами; и золотые тонкие с узкими прямоугольными линзами. Многие были со сломанным дужками, перемотанными синей, красной, зеленой и черной изолентой. Общее в этих очках было одно – к ним никто не прикасался. Петрович вдруг вспомнил, что вот уже несколько дней, краем глаза, видит несколько десятков бликов от стекол очков: целых и битых, мутных, как стенка старого аквариума и чистых, как слеза того окулиста, который умилился бы при известии, что его пациент навеки излечился от глазной болезни... Он подошел к ближайшей тумбочке и, присмотревшись, увидел, что лежащие там очки, покрылись тонким слоем пыли. Их хозяин, швед Ольсен, заправляя в это время

свою кровать, не обратил внимания, как подошел любопытный Королев. Петрович не хотел начинать разговора, тем более, что, кроме языка жестов и русского, он никакими больше не владел. Вдоволь насмотревшись на, уже никому не нужную чужую собственность, он также незаметно отошел от тумбочки шведа и направился к своей кровати.

Некоторое время Петрович прислушивался к собственному организму, полному разных изменений. Он никогда не обращался внутрь себя, никогда не доверял интуиции, и вообще не знал, что такая есть на свете. Его «глухота» к собственным ощущениям еще более усиливалась, когда он общался с такими же непробиваемыми людьми, как и он сам. Да, пусть они и остались там, в прошлой жизни, в большом пыльном городе, но, вместе с тем, они всё еще были с ним рядом – в его воспоминаниях, со временем всё более блекнувших и превращавшихся в подобие эха, или ветра, которые доносили до него обрывки давних разговоров, чужих рассуждений, каких-то нужных и ненужных встреч... И вот, в один прекрасный день, он почувствовал, как всё это разом забылось, будто морская волна смыла лишнюю информацию, очистив его для чего-то нового и светлого. Королев легко встал с казенной кровати, и также легко, без «стрельбы» в пояснице, наклонился, чтобы надеть брюки и зашнуровать ботинки. Его приятно поразила смелая идея, что сейчас он может пробежать по длинному коридору, не ощутив при этом тяжести в ногах и болей в спине, от которых он страдал, без малого, восемь лет.

Но через мгновение Петрович спустился с небес на землю, и понял, что, конечно же, никуда он не побежит – в коридоре будет полно народу, когда все спокойно пойдут на работу, а он, озабоченный своим самочувствием, будет только мешать радостной беготней сотням людей. Единственное, что он сделал, так это несколько раз подпрыгнул на месте, чтобы окончательно убедиться, что спина больше не беспокоит, и что также не болит голова, шея и желудок... Он не заметил, как некоторые соседи понимающе улыбнулись его неуклюжим прыжкам, потому как они сами, в недавнем прошлом, были на его месте, и точно также стеснялись проявить хоть самую малую радость при появившихся вдруг новых ощущениях в теле.

Он легко дотянулся до дверцы тумбочки, не услышав при этом хруста в суставах. Позавтракал, как обычно, одним бутербродом, припрятанным с вечера, запив его горячим сладким чаем, который всем принесли заботливые работники столовой. Народ уже разошелся. В комнате остался только Степан Викентьевич, нервный, как всегда, по утрам, и еще один, новенький, молодой Лешка Миронов: он прибыл несколько дней назад, и пока не привык к обстановке. К нему прикрепили того же Наумочкина, но тот редко с ним общался, по неизвестным Королеву причинам. Лешка, двадцатилетний розовощекий мальчик, сидел на своей кровати и читал толстенную книгу о древней Руси. Королев и сам бы сейчас с удовольствием пробежался по страницам увесистого тома, окунувшись с головой в увлекательные подробности российской истории, пусть и в художественном изложении, но сегодня ему нужно было спешить в слесарку – снова поступил заказ, который требовалось срочно выполнить. На этот раз ему приказали сделать несколько новых корпусов для считывателей на дверях. Начальству не понравилось состояние пластиковых штампованных коробок, которые, во-первых, покрылись трещинами, а, во-вторых, их кто-то пытался взломать. Теперь вся надежда была на Королева, который должен сделать, пусть и неказистые, но простые и надежные корпуса из толстых листов закаленной стали. Такая работа требовала особо твердых зубил и свёрел с алмазными наконечниками. Королев впервые за свою практику сталкивался с таким заказом, но, как говорится, глаза боятся, а руки делают.

Петрович открыл дверь в слесарку и, первым, кто его встретил, был кот, махнувший хвостом и облизавший свой нос. Королев достал из кармана заранее припасенную колбасу и кинул её коту.

Вторым, встретившим Петровича в слесарке, был его любимый токарный станок – тот, что стоял ближе ко входу. Королев вытащил старый резец из зажима и бросил его на соседний стол – потом заточит, если будет время. Сейчас же ему нужно было откопать в инструмен-

тальном шкафу чудо-зубило, которым он и будет работать. И как только он открыл верхний ящик с инструментами, тут же ему в руки попало хромированное плоское зубило с затупившейся кромкой. Твердость режущего края была превосходной, вот только над его исправлением нужно поработать. Петрович знал, что где-то в шкафу хранился тубик специальной пасты, изготовленной в лабораториях этого объекта по рецепту древних майя. Паста могла размягчать металл и камень, чтобы с ними было легче работать. Вот только, чтобы найти этот тубик, необходимо было сначала отыскать подробную схему расположения всех инструментов в шкафу. Нужная лежала где-то на столе под грудой накладных и других схем, в которых он так и не навел порядка. Кроме того, стол – любимое место кота, где была его «кровать», но сейчас он отвлекся на колбасу. Петрович полез в залежи, стараясь быть как можно аккуратнее, чтобы не свалить нужную бумажку за двухсоткилограммовый стол, иначе потом придется его двигать самостоятельно. Как только Петрович приступил к разбору бумаг, ему в шею уперлось то самое хромированное зубило, которое он только что нашел.

– Медленно пошел и сел на стул, – произнес чей-то голос, хозяина которого Петрович не видел. Он повиновался и спокойно дошел до стула, стоявшего около ближайшего токарного станка.

– А теперь, отдай свой пропуск.

– Зачем? Он годится только для моего склада с железками, – убедительным тоном сказал Петрович.

Голос ответил:

– Мне, как раз и нужен твой склад.

Королеву показался ужасно знакомым голос, который он не слышал уже несколько дней.

– Кульков? – произнес он, слегка дрожа от напряжения.

– Какая теперь разница?

– Вас все ищут.

– Знаю, пусть себе ищут. Мне нужен твой пропуск – доставай, давай.

Королев полез в карман и вынул пластиковую карточку.

– Натё, – протянул он пропуск в пустое пространство. Откуда-то слева, карточку схватили невидимые пальцы, рванули в сторону от Королева, и подняли вверх. Пропуск повис, трясаясь в воздухе, как игральная карта фокусника.

– Зачем он вам? – спросил Король, чтобы хоть что-то спросить.

– Много будешь знать – скоро состаришься. Надо мне и всё, – жестко ответил невидимый Кульков.

– Но там же ничего нет, кроме железок и старых гвоздей.

– Молчи, пока не прибил тебя к стулу, – ответил Кульков.

– К стулу? Как странно, – пожал плечами Петрович и повернулся лицом к складу. Пропуск медленно полетел в воздухе и вошел в щель считывателя. На панели загорелась зеленая лампочка. Щелкнул электронный замок. Скрипнули ржавые петли – дверь открылась. В полной темноте Кульков начал возиться с железками, бросая их на пол и чертыхаясь.

– Вы, хотя бы, свет включили, а то ноги себе переломаете! – крикнул Петрович.

– Не твоя забота, заморыш! – огрызнулся в ответ Кульков и щелкнул выключателем. Внутри склада загорелась желтая стоваттная лампочка, на мгновение осветив человеческую руку, покрытую ржавой пылью и стальными опилками. Король догадался, что костюм-невидимка, скорее всего, приобретает магнитные свойства, когда находится в активном состоянии. Он смотрел на Кулькова, все больше покрывавшегося пылью. Когда тот ушел вглубь помещения, Петрович сорвался со стула и бегом бросился к складу. Хлопнув дверью, он тяжело задыхался, будто только что тащил тяжелый мешок на своих тощих плечах. За дверью послышался мат и несколько ударов в старые доски, обитые железом. Иногда бесхозяйственность может быть полезна: внутри склада давно сломалась кнопка открывания, за что Король несколько

раз получал нагоняй от Наумочкина. Но Петрович не спешил с ремонтом, тем более, что для этого нужен был электрик, которого вечно не дождешься. Поэтому, сейчас дверь оставалась запертой, чему Петрович несказанно обрадовался, и, недолго думая, развернулся и побежал к настенному телефону. Набрал внутренний номер охраны, он крикнул в трубку:

– Аллю, это пост номер три?

– Да, а в чем дело? – ответили на том конце провода.

– У меня здесь нарушитель! Сообщите господину Штукку или... не знаю, кому вы там должны сообщать, что у меня, в слесарке, сидит нарушитель – я его поймал!

– Кто это – я? – переспросил спокойный голос.

– Я, Королев Григорий Петрович! – сказал он, как можно громче.

– Назовите свой табельный номер, пожалуйста.

– Тьфу ты, черт, какой еще номер? Не помню я никакого номера! Королев я! Понятно?!

В трубке что-то щелкнуло, и на несколько долгих секунд повисла тишина.

– Понял вас. Ждите прибытия помощи, – ответил, наконец, невозмутимый металлический голос. Потом опять что-то щелкнуло, и раздались частые гудки.

Петрович посмотрел на черную трубку и тяжело выдохнул, будто только что сдал трудный экзамен. Слегка пошатываясь, он дошел до стула и сел, обливаясь горячим потом. В дверь, по-прежнему бился Кульков, но Петровичу было теперь плевать на угрозы, раздававшиеся со склада.

Через пять минут пришли десять охранников во главе со Штукком. Гневно сверкая глазами, Штукк резко кивнул седым ежиком волос и спросил:

– Где он?

Королев показал на дверь, хотя, по стуку, и так было понятно, куда нужно идти. Широким шагом Штукк пронесся до закрытой двери.

– И как мне теперь ее открыть?

– Не знаю, – ответил Королев, – мой пропуск он забрал. А разве у вас нет мастер-ключа?

– Тоже мне, умник нашелся, – просипел Штукк. – Конечно же, есть, только он в моем кабинете. Скворцов! – крикнул он в толпу охранников, – быстро в мой кабинет, и принеси универсальный ключ – там, на стенде висит.

– Понял! – крикнул в ответ Скворцов и выбежал из слесарки.

Глава 14

Штукк подошел к токарному станку и хлопнул ладонью по круглому боку стального патрона.

– Да, помню и я в детстве стоял за таким же – болты для школы точил. А теперь, вряд ли смогу с первого раза фаску снять, – тут он хитро посмотрел на Петровича и улыбнулся.

– Может, хотите попробовать? – спросил Королев и тут же пожалел, что развязал свой язык.

Штукк, очевидно, уловил его внутреннее сожаление о заманчивой просьбе и ровным тоном ответил:

– Нет уж, спасибо: мне с молодыми не хочется тягаться. Да и профиль у меня другой – сами видите. – С этими словами он кивнул на дверь запертого склада, в которую уже перестали стучаться изнутри.

– Чего-то притих наш клиент, а? – сказал Штукк. – Ну да ладно, не долго ему осталось там греться: сейчас мы его за ушко – да на солнышко...

Не успел он договорить последних слов, как прибежал взмыленный Скворцов. Он протянул мастер-ключ Штукку.

– А вот и момент истины, – произнес начальник охраны и подошел к складу.

Двое охранников встали за его спиной в ожидании, пока откроется дверь.

Штукк провел «ключом» по считывателю. Загорелась зеленая лампочка.

– Теперь аккуратно, – прошептал Штукк и, открыв дверь, уступил место охранникам. Свет горел в тесном помещении, но там никого не было. Охранники удивленно оглянулись на Штукка. В свою очередь, Штукк вопросительно взглянул на Королева. Никто не двинулся с места. И тут, краем глаза, Петрович заметил едва уловимое движение около ближайшего стеллажа с дюралевыми болванками. Покрытая пылью рука Кулькова замахнулась, чтобы ударить одного из охранников. Петрович крикнул «эй» и вновь сорвался со стула.

– Смотрите! – с яростью сказал он Штукку и пальцем показал в пустоту.

– На что здесь смотреть? – усмехнулся Штукк.

Петрович понял, что запросто может сейчас оказаться в дураках, и что если он сам не предпримет каких-нибудь действий – пропало дело. Он даже думать не хотел, чем может всё закончиться, если он проشляпает Кулькова.

– Разрешите, – обратился Петрович к охранникам, и протиснулся между ними, не дожидаясь, пока те разойдутся в стороны. Как только он ворвался в эту конуру, набитую металлом, тут же схватил за руку Кулькова и попытался повалить его на пол. Соппротивление было жестоким и коротким. Больно получив по зубам, Петрович крикнул, но жертву свою не выпустил. Ему еще раз прилетело от Кулькова по черепу, и тот был вынужден несколько ослабить хватку. Штукк, очевидно, понял, в чем тут дело, хотя и не до конца верил в происходящее. Он с глупой улыбкой расставил руки и крикнул:

– Ловите невидимку! Он весь в пыли – смотрите внимательнее!

Охранники вновь тупо глядели в пространство между стеллажами, но мало что понимали.

Штукк, продолжая улыбаться, словно умалишенный, подошел ближе ко входу, по-прежнему держа руки так, как краб держит наготове свои клешни. Он стал подходить к лежавшему на полу Петровичу. Всё произошло, как в замедленной съемке. Штукк обхватил руками невидимого Кулькова и мощным своим лбом ударил в пространство. Раздался крик. Охранники знали голос своего шефа, поэтому не дернулись с места: он поняли, что это взвизгнул невидимка – Штукк хорошо справлялся со своей задачей. Он еще раз дернул шеей и вновь его лоб, как мощный маленький таран, ударил по чему-то такому же твердому: раздался звук, будто пустые миски, сделанные из кости, ударились друг о друга. Петровичу показалось, что в этот момент что-то хрустнуло. Из воздуха появились какие-то капли и попали ему на руки. Он тут же их вытер: руки мгновенно покраснели. Петрович понял, что это была кровь Кулькова, которому Штукк, очевидно, раскроил кожу на черепе. Тут он услышал, как засопел Кульков, до этого молчавший, как рыба. Теперь же не было смысла ждать новых ударов, нанести которые приготовился начальник охраны. Петрович видел, как налились кровью глаза Штукка, и как глупая улыбка превратилась в идиотский жестокий оскал – Штукк готов был разорвать невидимого Кулькова на сотни клочков.

– Сдаюсь, – тихо пронеслось в воздухе.

– Как? – спросил Штукк, снова отводя голову, готовясь в третий раз боднуть своего врага.

– Сдаюсь! – громче произнес Кульков. Тут, при свете желтой лампочки, все увидели человека в сером, облегающем тело, похожем на водолазный, костюме: Кульков отключил его, не выдержав избиений Штукка. Голова Кулькова была пробита и его глаза заливала яркая кровь, вида которой Петрович не переносил. Он с трудом встал на ноги и, на всякий случай, отошел в глубь комнаты: пусть теперь охранники сами разбираются с этим сумасбродом.

Кулькова вывели со склада. Штукк, не оборачиваясь, сухо сказал «спасибо за службу», и вышел вслед за своими подчиненными.

Король твердо решил, что на сегодня рабочий день закончен. Несмотря на то, что часы показывали двенадцать дня, он, проводив охранников и, взятого под стражу Кулькова, покровитого кое-где собственной кровью, подошел к захламленному столу и, без всякого интереса посмотрел на бумажную гору. Кот уже лег на свое законное место, рядом с пыльным руло-

ном схемы ленточного конвейера карамельного цеха кондитерской фабрики. Причем здесь эта фабрика, Королев никак не мог понять, но схема, однако же, была. Он постоял еще чуток, тупо глядя на многолетний хлам, потом отвернулся и пошел к выходу.

Королев брел по коридору, показавшемуся ему таким длинным, словно его специально растянули на лишних двадцать километров. Какая-то внутренняя тяжесть не проходила с того самого момента, когда Кульков приставил к его горлу тупое зубило, да еще и двинул в челюсть. Он решил, что его нервная система так перегрузилась от неожиданной стрессовой ситуации, что теперь у него на плечах, будто, лежала стокилограммовая плита.

Еле дошел до комнаты отдыха – там никого не было. На самой дальней кровати белела, раскрытая на середине, книжка, оставленная Лёхой Мироновым. Несколько страниц поднялось, и они стояли торчком, приглашая любого читателя пригладить их и, хотя бы бегло, посмотреть глазами. Больше Королев ничего не видел: глаза закрыло черным, и он рухнул на кровать, как подкошенный, провалившись в глубокий сон.

Его разбудила сумасшедшая сирена, взревевшая среди ночи. Королев вскочил с кровати и, наскоро одевшись, огляделся по сторонам – он был, по-прежнему, один в комнате. Еще до конца не проснувшись, он постоял около своей кровати, как призрак, и снова сел. В горле пересохло. Он жадно глотнул холодной воды и, взяв с тумбочки кусок черствого хлеба, вцепился в него зубами, кровавая десны и царапая губы. Он был голоден, как никогда. Ему хотелось проглотить огромный кусок жареного мяса, но, как говорится, съесть-то он съесть, да кто ж ему даст. Дожевав хлеб, он выпил до конца бутылку и, пустую, бросил ее на кровать. От сирены гудела голова – сейчас вот-вот разорвется от нестерпимо режущего звука. Он встал, шатаясь, на налитые кровью ноги и пошел к выходу. Петрович понимал, что, наверное, сейчас нужно куда-нибудь бежать спасаться, однако опасности он никакой не чувствовал, и, к тому же, он не знал, что нужно делать в таких случаях – Наумочкин не успел его проинструктировать, как действовать в чрезвычайных обстоятельствах. Задаваться вопросами, типа, почему его никто не разбудил, и куда все подевались, было бесполезно – и так ясно, что произошло нечто из ряда вон, раз сирена орала добрых полчаса. В этот момент его желудок странно проскулил – наверное, тоже проснулся вслед за хозяином.

Королев подошел к двери, нажал кнопку открывания и хотел выйти, но кто-то удерживал дверь снаружи. Он надавил плечом сильнее, и она, с трудом, поддалась, отодвигая что-то, цеплявшееся за пол. Вышел в коридор. Повсюду мигал, в такт сиренам, красный свет. Большие лампы, по двести ватт каждая, забранные в стальные решетки, били по глазам резкими кровавыми толчками. Заломило виски и затрещал лоб. Королев поморщился и вдохнул поглубже воздух. Тут ему померещилось, что кто-то лежит рядом с дверью, и не ошибся: оказалось, что дверь, пока она не была открыта, подпирал труп, одетый в окровавленный рабочий халат. Лица видно не было. Королев осторожно перевернул тело и, в красном свете мигающих ламп его глаза увидели того молодого, недавно прибывшего. Леха Миронов, чья книга сейчас сиротливо лежала на кровати, так и не узнает, чем закончился исторический роман. Во рту вдруг пересохло, словно он, пять минут назад, не сделал ни глотка воды. Петрович только сейчас обратил внимание, что от трупа Миронова тянется по полу черный след, словно кто-то тащил тело. Королев прошел дальше по десятиметровому «аппендициту» и, выйдя в общий коридор, увидел, что этот след вливается в еще более широкие, уже подсыхающие потоки крови. На полу, на стенах, на низком потолке – везде была кровь, ставшая черной в свете красных ламп. Вглядевшись в мигающее пространство коридора, Петрович увидел, что там, дальше, проход чем-то завален, перегороденный на четверть своей высоты. В обоих направлениях – к эскалаторам, шедшим наружу, и в сторону рабочих помещений, были эти странные завалы. Королев сделал несколько шагов по направлению к эскалаторам, догадываясь о пугающем открытии, ожидающем его по мере приближения к тем преградам. В какой-то момент красные лампы мигнули особенно ярко, будто кто-то дал сильное напряжение в электроцепи. И тут он увидел

страшный холм из разорванных человеческих тел. Руки, ноги, головы торчали из этого холма, будто росли из него. Изувеченные тела лежали и дальше по коридору. Королев присмотрелся и заметил, что в человеческих останках зияли глубокие дыры, как от толстых стальных прутьев. Чьи же зубы могли так «постараться», что от человека осталась лишь рваная плоть и сломанные кости? Королев боялся думать о тех тварях, чьими челюстями перемололись молодые сильные тела, превращенные в кровавые ошметки.

Он не знал, в какую сторону сделать следующий шаг. У него кружилась голова и, по-прежнему, было сухо во рту.

Вдруг, мимо Королева пробежал красный кролик с биркой на ухе. Несмотря на то, что Королев был уже без очков, он с трудом разглядел в красном мигающем свете, черную надпись на розовой бирке – «Кот». Либо женщины его так называли, либо это была специальная отметка вместо номера, подумал Королев. Тут он вспомнил о своем коте, запертом в слесарке, и подумал, что сходит за ним позже, если будет возможность.

Сейчас он решил пойти за кроликом, который, прыгая по куче тел, перебрался на другую сторону страшного бугра, и поскакал дальше. Королев перешагивал через части тел, поскальзываясь в черной крови, пока, кролик не привел его к стальной стене, перекрывшей выход к эскалаторам. Черные следы на полу тянулись до этой стены и пропадали под нею. Королев предположил, что во время срабатывания сирены, эта стена просто опустилась, перекрывая выход, тем самым, обрекая сотни человек на гибель. По крайней мере, так ему казалось в эти страшные минуты, когда он не знал, куда идти дальше. Пришлось поворачивать обратно.

Он добрал до первой открытой двери по левую сторону коридора, и заглянул туда. Королев помнил, что это одна из лабораторий, и сейчас там было пусто, хотя весь пол также покрывали кровавые следы – видно, что людей вытаскивали из помещения и тащили в коридор. Здесь мигали такие же красные лампы, какие были в коридоре. Королеву хотелось остаться в этом кабинете и, может быть, провести какое-то время в тихом уголке: если уж убийцы тут однажды побывали, то может больше не сунутся? Успокоив себя, на время, этой мыслью, Петрович сел лицом к выходу за ближайший рабочий стол, на котором стоял маленький микроскоп, и валялись какие-то бланки. Он просмотрел несколько бумажек, где, на разных языках, торопливым почерком было что-то написано. Королев забыл, что здесь работали микробиологи, и, скорее всего, всё помещение может быть покрыто болезнетворными бактериями. Кто может дать гарантию безупречной стерильности опустевшей лаборатории? Те, кто мог это гарантировать, сейчас лежали гуртом в коридоре, как отбросы медицинской помойки, куда выбрасывали ампутированные части человеческих тел. Он этой мысли локти Петровича сами собой поднялись от стола, и он отодвинулся подальше, вместе со стулом. Между тем, сирена выла, как сумасшедшая, не думая выключаться, а голова гудела вместе с этим нудным воем, и кровь пульсировала в висках. Королев подумал, что надо бы отыскать аптечку и принять пару таблеток аспирина, как вдруг ему показалось, что в дверном проеме мелькнула чья-то тень. В то же мгновение, он почувствовал, что не может оторваться от стула, чтобы скрыться в незаметном уголке где-нибудь под теми столами, что стояли дальше от двери. Свинцовая тяжесть в ногах не давала ему встать с места, как бы он ни старался. Снова внутри нарастала паника. Королеву не хватало воздуха и он, беспомощно озираясь, искал глазами любой предмет, которым можно обороняться, если настанет такой момент...

Вдруг всё смолкло – сирена прекратила выть. Над входом продолжала мигать красная лампа и Королев, видя мерцающий свет, не сразу понял, что воцарилась полная тишина. Одновременно что-то поменялось и внутри самого Королева: он смог, наконец, подняться со стула и, подойдя к полуоткрытой двери, осторожно высунуть голову в коридор. Кроме трупов здесь, по-прежнему, ничего не было, и всё же, что-то мешало ему сделать первый шаг из тихой комнаты в бесконечный мрачный коридор...

Наконец, он пересилил себя и ступил в кровавый полумрак. Он шел, попутно заглядывая в открытые двери подсобных помещений, небольших складов, и туда, куда теперь можно было войти любому человеку, если бы тот захотел. Судя по всему, электронные замки были взломаны по всему объекту, и теперь нигде не было защиты. Заглядывая в каждую открытую комнату, Королев видел одну и ту же картину – трупы, сваленные в кучу. Когда он дошел до кабинета, где располагалась лаборатория по получению аэрозолей, нужных для первоначального распространения лекарства, как говорил когда-то Наумочкин, он заглянул в распахнутую дверь, ожидая увидеть то же самое, что и в других кабинетах. Его глаз неожиданно выцепил едва уловимое движение. Он инстинктивно дернулся назад, чтобы убежать, но странным образом, сдержался, уговаривая себя, что ему это только показалось. Королев зашел в помещение, внимательно вглядываясь в мерцающий полумрак, и увидел там, лежащего на полу, человека в рабочем халате, покрытом черными пятнами. Королев подошел ближе – это был китаец или кореец. Он заметил три черные дыры в его груди, словно туда мощным толчком вогнали толстые арматурные пруты, а потом резко их вытащили, оставив эти страшные следы. Он наклонился над раненым, чтобы пощупать пульс на шее, но тот открыл глаза и простонал. Королев отпрянул от неожиданности. Потом снова приблизился к нему.

– Ти джи тэн, – прошептал китаец.

– Как? – переспросил Королев.

– Монста. Ти джи тэн. Монста, – вновь отрывисто повторил тот и потерял сознание, или умер.

Королев почувствовал, что может вновь остаться один в этом ночном кошмаре, и сейчас ему нужно что-то сделать, чтобы помочь единственному уцелевшему человеку.

До медицинского кабинета – минимум полкилометра, ближе к туннелю метро. Но Петрович знал, что нести полуживого человека он не сможет, если только не найдется какой-нибудь каталки. А если его просто перевязать, так для этого нужен хоть какой-то опыт, а, кроме искусственного дыхания, виденного по телеку, он ничего делать не умел. Он снова пощупал пульс у китайца – его не было. Королев знал, что мог ошибиться и снова взялся за его холодную руку, и снова никакого пульса. Зеркальца у Петровича не было, и он поднес к носу китайца тыльную сторону ладони. Увидев, как дрожит собственная рука, Королев отдернул ее, будто обжегся, и сразу же отпало всякое желание проверять, жив тот или нет: возможно, скоро ему самому придется валяться тут бездыханным.

Он отбросил все колебания и вышел в коридор. Теперь ему нужно было пройти километр-полтора, чтобы добраться до стеклянных дверей метро – скорее всего, там он найдет свое спасение, раз больше некуда идти. В полной тишине, при постоянном мигании кроваво-красных тревожных ламп, он шел, вглядываясь в далекую черноту коридора, всякую секунду ожидая нападения то спереди, то сзади, чувствуя каждой клеточкой своего тела, что опасность поджидает его повсюду.

Глава 15

Королев шел всё дальше по коридору, пока, наконец, не оказался перед дверями метро. Надпись «Вход строго по пропускам», была измазана потемневшей кровью, и некоторые буквы лишь угадывались.

Пропуск был ему не нужен – он просто взялся за железный поручень и дернул на себя: двери легко открылись. Когда же они, подтягиваемые механическим доводчиком, мелькнули в свете нервных сигнальных ламп окровавленным стеклом, закрываясь за спиной Королева, он облегченно выдохнул, будто только что прошел над бездонной пропастью без страховки.

Он на секунду задержался около дверей, всматриваясь в темнеющую даль перрона, со стоявшей около него электричкой. Королев ожидал увидеть там странные тени или бегущих тварей, но, к счастью, горизонт был чист, и можно было двигаться дальше. Петрович сделал первый шаг и вошел на перрон.

Тишина была здесь такая же, как и в коридоре, когда молчала сирена. Вот только напитана она была чем-то более опасным, чем то, что уже оставлено там, позади – в лабораториях, наполненных трупами. Внутри Королева возникло и укрепилось странное ощущение, похожее на точное знание, что в этом огромном помещении с одной широченной платформой посередине, обязательно должен кто-то караулить его, с тем намерением, чтобы напасть в неожиданный момент, когда он чуть расслабится и потеряет всякую осторожность. Мурашки на спине то рождались, то пропадали, делая из Королева полного психа, которым он никогда не был. Эти два часа, прошедшие с момента его неожиданного пробуждения, сделали для его нервов больше вреда, чем пятилетнее общение с тещей, которая всё ж таки была человеком, а не каким-то непонятным монстром, которого Петрович не хотел встречать на своем пути.

Он продолжал идти по перрону, опасливо прислушиваясь к собственным шагам и жалея, что на ногах надеты грубые ботинки с твердой подошвой, и они то шаркают, то стучат, когда не надо.

Пустая электричка, внутри которой, как чьи-то удивленные глаза, кое-где горели большие желтые плафоны, стояла с открытыми дверями, приглашая пассажиров прокатиться до горы Пико. Королев, не понимая, что находится в шоковом состоянии, сел в третий вагон с конца и стал ждать, когда закроются двери и объявят следующую остановку. Он машинально вцепился в стальной поручень, по привычке думая, что сейчас вагон дернется, когда электричка начнет движение. Прошла минута-другая: никто ничего не объявлял, а двери так и оставались открытыми. «Надо посмотреть, в чем там дело», – дошло, наконец, до него, когда разум начал потихоньку оживать. Он разжал побелевшие пальцы, отпуская поручень, бывший спасительной соломинкой скорее для его рассудка, чем для тела, и осторожно вышел из вагона. Под ботинком что-то хрустнуло, выдавая его присутствие тому, кто, может быть, сидел в мерцающем полумраке и ждал, когда человек покинет то место, где много света. Королев вышел наружу и, боясь вертеть головой, лишь одними глазами, кося ими до тошнотворной боли, посмотрел в разные стороны, надеясь, что никого не увидит. Перрон был пуст, и лишь, по-прежнему, мигал красный свет опасности. Он пошел к первому вагону, постоянно озираясь, опасаясь увидеть любое движение. Дверь кабины машиниста была распахнута настежь. Он подошел к кабине и заглянул внутрь. Вдруг подкатило к горлу – его вырвало желчью и остатками хлеба: организм устал бороться со стрессом, и дал себе волю. Кровь была повсюду: на широком пульте управления, на окнах, стенах, полу. На водительском кресле валялась форменная окровавленная фуражка. Однако, Королев не увидел самого главного – владельца этой фуражки.

Он оглянулся на широкий перрон, вдруг напомнивший ему такие же перроны на новых станциях Московского метрополитена. И эта станция, большая, как ангар, с высоким, без единого столба, потолком, поддерживаемым «ребрами» выгнутых стальных балок, лежащими своими концами на толстых стенах, продолжала его пугать, держала цепкими щупальцами страха за горло, которое горело от остатков выbleванной желчи. Во рту так пересохло, словно он ходил по пустыне несколько дней. Шершавым языком он ощупывал высохшее небо и всё глотал и глотал, в надежде, что организм начнет вырабатывать необходимую влагу.

Кровавая пульсация сигнальных ламп рождала в голове, несуществующие в реальности, картины. Петровичу чудилось, что по стенам молча ползут мерзкие твари, и они обязательно нападут на него все разом, как только им даст приказ их главный монстр, ведь, должен же быть у них какой-нибудь вожак, супер-пупер альфа-самец, жрущий больше всех в этом дьявольском стаде?

Любой непросматриваемый участок, каждый темный угол таили в себе опасность, прятали неведомого зверя, угрожавшего жизни Королева. И он старался выцепить взглядом хоть одну деталь, которая доказала бы ему его пугающую правоту, что зверь – вот он, сидит прямо

перед ним, оскалив слюнявую пасть, только он его пока не видит, потому что его собственные глаза берегут его же рассудок от того ужаса, который ему предстоит увидеть...

Королев, с нарастающей паникой, не переставал оглядываться по сторонам. В какой-то момент он заметил, что на стене, прямо перед его носом, висит маленькая железная коробочка, с выдавленным рельефом телефонной трубки. Он снял открытый уже замок, поднял трубку и услышал гудки. Подергал рычажок и подул в микрофон – гудки продолжались. Он положил трубку и вновь посмотрел в открытую дверь кабины машиниста – там должна быть рация, или такой же телефон. Преодолевая тошноту от вида крови, он сбросил фуражку машиниста на пол и сел в кресло, жалобно скрипнувшее под весом нового хозяина. Петрович взял узкую пластмассовую трубку с болтавшимся витым проводом, и нажал кнопку вызова, расположенную тут же, под левой рукой, на панели. Где-то на другом конце радиоволны громко щелкнуло, кашлянуло, и, матернувшись по-русски, произнесло:

– Аллэ!

Королев снова дунул в микрофон, будто опасался, что кровь попала и туда, и спросил:

– Аллэ, кто там?

В трубке зевнуло и почавкало:

– Ты-то кто есть?

– Я – Корольев.

– Поздравляю.

– У нас тут чрезвычайная ситуация.

– Не знаю о такой: сигнала не было.

– Вы, разве, не слышали сирены?

– Нет у нас никаких сирен, и, вообще, не мешайте работать.

Королев беспомощно посмотрел на рацию.

– Я вам повторяю: у нас здесь ситуация. Чрезвычайная. Никого нет – я один.

– Ну и радуйся, что ты один...

Через мгновение тот же голос спросил:

– То есть, как один? А где остальные?

– Они все убиты, а машинист пропал, – ответил Корольев упавшим голосом.

– Куда пропали, кто убит? – спросил тот. Корольев молчал.

– Послушайте, вы сейчас где находитесь? – вновь спросил голос.

– В метро – на перроне, – ответил Петрович, посмотрев в огромное зеркало заднего вида, прикрученное к кабине машиниста.

– Какой номер перрона?

– Не знаю, – ответил Корольев, – не помню. Кажется, первый.

На том конце провода зашуршала разворачиваемая бумага.

– Вы там, где лифты? – спросил голос.

– Нет, – ответил Корольев, – здесь лифтов нет.

– А, я понял – вы на другом острове.

– Наверное, на другом, – ответил Корольев.

– Скажите, вы можете управлять?.. Хотя, о чём это я... Так, ладно, давайте, для начала, я кое-куда сметаюсь, а потом свяжусь с вами, лады?

– Да, понял вас, – ответил Корольев и бессильно откинулся на спинку кресла. Вновь, в тревожной тишине, закрипело сиденье: теранулись друг о друга старые стальные пластины, пружины, болты. Петрович, в который уж раз, с опаской посмотрел в зеркало заднего вида, но изменений там не было.

Он ждал, когда вновь заговорит рация. Это было единственное необходимое для него ожидание, когда от простого разговора с незнакомцем, сидевшем на другом острове, зависела

его жизнь. Чем скорее придет от него хоть какой-нибудь ответ, тем быстрее он успокоится. А что потом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.